B130293

506

947.1
Л-36
В130 293
947.1
Л-36
947.1Р0
Л-36.

Кирик Левин.

ДЕКАБРИСТЫ

ИСТОРИЯ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 14 декабря 1825 г.

Издание 3-е, переработанное.

ПРОВ. 1935

ХАРЬКОВ.
1923.

Типография Никуисполкома
Николаев.

№ 645.—Тир. 10000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

741841

Р. О. П. № 383.

Введение.

14 декабря 1825 г. в столице России—С.-Петербурге — случилось событие огромной важности. Часть войск числом до 2.000 чел. с оружием в руках явилась на Сенатскую площадь и открыто пред всей Россией заявила свой протест против царившего в стране произвола и бесправия: она потребовала уничтожения самодержавия и установления в России народного правления.

Это событие в русской истории носит краткое, но выразительное название: 14 декабря.

Людей, которые подготовили его и принимали в нем участие, называют декабристами.

В свое время восстание декабристов потрясло всю образованную Россию своею безумной смелостью и величием замысла. Даже в крепостном народе, как святая легенда, из поколения в поколение переходил рассказ о попытке декабристов освободить крестьян. Калики перехожие и старики шопотом и с опаской, но с любовью и благоговением передавали молодежи рассказы о царе Константине, о Рылееве и других, хотевших добыть волю народу.

Чтобы вполне понять и оценить происхождение, историю и смысл восстания декабристов, необходимо хотя бы в немногих словах ознакомиться с состоянием России в первой четверти XIX в. и теми событиями, которые подготовили 14 декабря.

Развитие денежного хозяйства, начавшееся еще в Московской Руси в XVI веке, неизменно

мало вперед в течение XVII и XVIII вв. Реформы Петра I, по словам выдающегося историка, явились результатом буржуазного шквала, налетевшего на Россию.

В XVIII веке, при господстве натурального хозяйства, торговый оборот начинает захватывать все большие и большие круги населения. Это видно из того, что внешняя, особенно морская, торговля значительно расширилась к концу XIX в. Ценность товаров, вывезенных за-границу, достигла 75 мил. руб., а ценность ввоза—52 мил. рублей. Рост фабрично-заводской промышленности стоит вне всяких сомнений. В конце царствования Петра I в России было 233 фабрики; в 1762 году их количество поднялось до 984; а к началу XIX века (1796 г.) общее число фабрик дошло до 3161.

Помимо этих фактов следует еще отметить, что в крепостных хозяйствах начинает падать барщина, и натуральные повинности постепенно вытесняются денежным оброком.

В связи с этим начинается усиленный отход крестьянства на заработки. Этот отход особенное развитие получает в первой половине XIX века, когда половина и порой даже три четверти крепостных отправлялись в отхожие промыслы, втягиваясь, таким образом, в торговый оборот. Из среды же рядового крестьянства начинают выдвигаться первые капиталисты. Своими способностями и предприимчивостью они составили себе торговою и промышленною деятельностью большие состояния и выкупились на волю.

При всем этом нужно отметить, что в первой половине XIX века денежное хозяйство захватывает не более половины всего населения, и дома-

шнее производство для многих местностей страны является почти единственным источником удовлетворения потребностей народа. Россия остается по преимуществу земледельческой страной. Земледелие—главное занятие населения, а полевое хозяйство, при первобытной системе обработки полей,—главная основа экономической жизни страны. При этом подневольный труд практикуется в самых широких размерах, и дворянство не может без него обходиться.

Дворянство, как земледельческо-феодальный класс, остается самой сильной общественной группой. Но его сила покоится не только на владении крепостными душами, но и на самодержавии царя, которое, в свою очередь, находит в себе самый сильный оплот в крепостниках.

Таким образом, самодержавие и крепостничество были тесно связаны одно с другим и друг без друга обходиться не могли.

При таких условиях только что народившееся денежное хозяйство не могло еще оказать решающего влияния на социальные отношения и политический строй России. Но под влиянием развивавшегося капитализма началось явное разрушение старого порядка,—разложение крепостного права и самодержавия. Закон Павла о трехдневной барщине, закон Александра I-го о вольных хлебопашцах, проекты государственных преобразований и т. д.—были ответом на назревшие новые потребности в общественной и политической жизни.

Однако, в России первой четверти XIX века крепостное право и самодержавие царя все еще продолжали оставаться фундаментом, на котором держалась социальная и политическая жизнь

страны. И все попытки не только уничтожить, но и ограничить царскую власть и власть помещиков, кончались полным крахом, так как это не отвечало хозяйственным потребностям и интересам господствующего экономического класса—дворянства.

К числу таких неудачных попыток, шедших в разрез с интересами дворянской массы, следует отнести и вооруженное восстание 14 декабря 1825 г.

Попытка декабристов ограничить самодержавие и уничтожить крепостное право является характерным признаком начавшегося разложения старого социального и политического строя на почве вторгнувшегося в экономическую жизнь страны денежного хозяйства. Новая сила властно потребовала установления новых свободных форм жизни: политической свободы, уничтожения крепостного права и т. д. Ниже мы подробно познакомимся с тем, как декабристы строили социальные и политические планы на основе свободных отношений, т. е. на том необходимом условии, которое требуется для развития и полного торжества капитализма. Но замыслы декабристов потерпели крушение, так как они не встретили поддержки в господствующем классе. А к народным низам они не решились обращаться за помощью.

Восстание 14 декабря 1825 года относится к области политических фактов. В виду этого крайне важно для изучения движения декабристов познакомиться с главнейшими политическими событиями первой четверти XIX века.

ГЛАВА I.

Царствование Александра I.

12 марта 1801 года был убит придворными император Павел I, а 13 марта вступил на царство сын его—Александр.

Вступление на престол Александра I было встречено всеобщей радостью. На улицах Петербурга 13 марта царило небывалое торжество: незнакомые люди при встрече целовали друг друга, точно в первый день Пасхи.

И было чему радоваться: со смертью Павла I на Руси прекратился такой чудовищный произвол, которого русские не испытывали со времен правления немцев при Анне Ивановне.

Павел I, рожденный Екатериной II от дворянина Салтыкова, но официально считавшийся сыном Петра III, вступил на престол в 1796 году после своей матери. Его царствование было одной из худших страниц русской истории.

Обстановка, в которой Павел жил до вступления на престол, была крайне неблагоприятна. Воспитание Павла велось дурно. Екатерина держала его вдали от двора и государственных дел и постоянно давала ему чувствовать, что для него нет надежды получить престол. Павел жил под строгим надзором в Гатчине, и все занятия его сводились к упражнению с игрушечной армией, впрочем, состоявшей из живых солдат; от него были отобраны даже его дети, чтобы он не мог их воспитывать в желательном для него духе.

Павел хорошо знал, что мать, отстранивши от царства Петра III, не по праву завладела властью, и что престол принадлежит ему. И это (а также и убийство Петра III-го) возбуждало в нем ненависть к матери и страх перед ней. И эта ненависть еще более усилилась с тех пор, как он узнал о том, что Екатерина хочет своим наследником назначить не сына, а внука.

При таких-то обстоятельствах совершенно неожиданно Екатерину поразил удар. Она лишилась языка и поэтому, умирая, не могла назначить наследника. Павел вступил на престол в возрасте 42 л., с огромным запасом злобы против матери, против всех ее дел и против близких к ней людей. И целью своего царствования он поставил уничтожить все, что было сделано его матерью, Екатериной, да так, чтобы самая память о ней исчезла в народе. Прежде всего все распоряжения для ведения новых войн он отменил и решил сблизиться с народом, принимая от него всевозможные просьбы. Эти первые шаги нового императора произвели хорошее впечатление на общество. Но такое положение тянулось недолго. Скоро Павел показал себя во весь свой рост. Начал он с того, что приказал вырыть из могилы гроб Петра III, поставить его во дворце, рядом с умершей матерью, и похоронить их вместе. Этим он хотел показать свое отношение к матери, оскорбить память о ней.

Император был так нерассчетлив, что не замедлил восстановить против себя войска, эту лучшую опору своей власти. Он свою гатчинскую сбродную армию с повышениями и наградами перевел в состав гвардии, наполненной родовитыми дворянами. Гвардия заволновалась, тем более, что

гатчинцы оказались шпионами. Гвардейские офицеры стали выходить в отставку, но император приказал выходящих в отставку немедленно же удалять из Петербурга. И были случаи, когда офицеры, выпровоженные из Петербурга в одних мундирах в трескучий мороз, около застав замерзали от холода. Ежедневные и продолжительные учения войск под наблюдением придирчивого и капризного императора были для солдат и офицеров настоящей казнью. И не только офицеры, а целые полки не знали, вернутся ли они с парада домой, или угодят в ссылку или крепость. И действительно, если полк не вполне правильно маршировал, то порой раздавалась команда царя: „направо кругом— в Сибирь марш!"

Затем император обратил свое внимание и на простую публику. Было приказано всем „благородным" людям одеться по-немецки, а при встречах с царем выходить из экипажа, чтобы кланяться ему. В довершение всего этого новый император решил уничтожить привиллегии дворянства и купечества, и в этом направлении издал ряд мер; между прочим телесные наказания распространены были на все сословия.

Лица, близкие к Екатерине или симпатизировавшие ей, были отставлены от должностей. Но и те, кто пользовался милостями и расположением Павла, всегда рисковали оказаться в опале.

Император держался правила: „У меня велик только тот, с кем я говорю и пока я с ним говорю".

Возвышения ничтожеств были столь же неожиданны, как и падения знаменитостей: для Павла ровно ничего не значило произвести парикмахера Кутайсова в графы или всесветную знаменитость

Суворова отставить и сослать в деревню. За 4 года и 4 месяца царствования, Павел „выкинул из службы“ 7 фельдмаршалов, более 300 генералов и свыше 2000 офицеров. А всего удалил со службы до 20.000 чел военных и чиновников.

Доставалось от него не только армии, дворянам и чиновникам. Попытка улучшить положение крепостных ни к чему не привела: изданный Павлом закон о работе крепостных на помещика только три дня в неделю не соблюдался помещиками. И в действительности рамки крепостного права при Павле еще шире раздвинулись: 100 лицам он роздал 100.000 крестьян с 10.000.000 десятин земли.

Одним словом, все царствование этого душевнобольного императора было преисполнено более капризов и сумасбродств, чем действий, направленных ко благу страны. Вот почему все облегченно вздохнули, когда в Петербурге стало известно, что Павел убит и что на престол вступил сын его Александр I.

От Александра I, воспитанного республиканцем Лагарпом *), передовая часть общества ожидала очень многого: верили, что молодой император поведет Россию по пути к свободе.

Надежды эти, казалось, не были призрачными.

Еще будучи наследником, Александр I ненавидел деспотизм и произвол во всех его видах; он увлекался великой французской революцией и желал

*) Впрочем это воспитание было довольно поверхностное и слишком небольшое по размерам: Александра 16 лет женили; после женитьбы, конечно, он, перейдя на положение взрослого, прекратил занятия науками.

всякого добра и процветания только что народившейся во Франции республике. Наследственную монархию он находил нелепым учреждением и считал справедливым только такой порядок, когда сам народ устанавливает в стране форму государственной власти. Но, как потом оказалось, все это было неискренним.

Впрочем, молодой император (ему было 24 г.), желая внести в страну успокоение, свое правление начал с исправления деяний отца и заметания следов после него. Через три дня после восшествия на престол он об'явил амнистию (забвение, прощение) политическим преступникам, ссыльным, заключенным в крепостях и эмигрантам. Из Петропавловской крепости были выпущены все в ней сидевшие; на ее стенах появилась даже надпись: „Свободна от постоя". Узнавши об этой надписи, Александр сказал: „Желательно, чтобы навсегда". До 12.000 чиновников и офицеров, лишенных прав при Павле I, были вновь приняты на службу, типографии распечатаны, пытка отменена, смертную казнь перестали применять. При участии нескольких вельмож Александр задумал осуществить целый ряд государственных преобразований, уничтожить крепостное право и мн. др. Но в 1805—6 году. Россия вступила в союз с Пруссией и Австрией против Наполеона, и все планы государственных преобразований пришлось забросить. Наши войска в войнах с французами потерпели целый ряд поражений, после чего у Александра явилось разочарование в близких к нему людях, с которыми он и разошелся.

Наступил знаменитый в русской истории 1812 год, когда на Россию напал Наполеон с союзни-

ками. Народ поднялся против Наполеона и прогнал его из России. Мало этого, русская армия совершила поход в Западную Европу. Там она устроила победоносное шествие, всюду по пути освобождая народы от власти французов. Благодаря русским войскам, развенчанные цари опять уселись на своих тронах. И наша армия, восстановивши в Западной Европе старый порядок, в 1815 году вернулась домой, голодная и холодная, ожидая себе наград.

Россия нуждалась в покое. И общество думало, что Александр, покончивши с войнами, примется за внутренние дела. И он, действительно, принялся за них, но не с тем, чтобы повести Россию к свободе.

Всегда двуличный, теперь Александр открыто, взял сторону тупых, невежественных, грубых людей—Аракчеева и Фотия. Потом он и совсем удалился от дел. После этого Россией собственно стал управлять Аракчеев. Теперь все с докладом шли к нему и от него исходили все распоряжения. Пошли дела одно другого ужаснее. Вместо возвещенных реформ в духе свободы и равноправности были изданы распоряжения об устройстве военных поселений, введена жестокая цензура, из высших учебных заведений изгнаны науки, возбуждающие и развивающие ум и т. д. Устройство военных поселений представлялось решительно всем чудовищной, непонятной мерой. Никто не понимал смысла этой меры.

Начальником поселений был сделан Аракчеев. Его как-то спросили, для чего устраиваются поселения. Он ответил, что не знает, но на это есть воля царя. Спросили самого царя о цели военных

поселений, и он сказал, что посреди России, с севера на юг, будет образована полоса военных поселений крестьян; на их счет будет содержаться армия, не будет также и рекрутских наборов, и крестьяне будут счастливы, а казне меньше расходов. Так думал император. Но мужики дело иначе понимали, не по-царски. В Новгородской губернии военнопоселенцы возмутились, их расстреляли, а оставшихся в живых прогнали сквозь строй и об'явили, что дома от них отняты, а сами они отданы в солдаты, дети же их поступят в кантонисты. Мужикам обрили бороды, надели на них шинели и расписали по ротам. Впрочем, Аракчеев находил все это в порядке вещей, ибо он хотел „обратить всю Россию в казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям".

Император в этом отношении не отставал от Аракчеева. Александр I был страстно предан военному делу. Парады и обучение войск являлись его излюбленным занятием. Как бы ни был занят государь, свой день он непременно начинал с того, что обучал какой нибудь отряд войска. В последние дни своей жизни Александр Павлович в своем увлечении парадами и фронтом дошел до того, что военные упражнения получили характер „балетных представлений". И форма у солдата была более подходящей для балета, чем для походной жизни. На голенища надевались белые краги на пуговицах. Вместо штанов натягивались вплотную лосины, которые нужно было ежедневно белить мелом. Мундир, в роде фрака, так туго стягивал грудь, что на смотрах многие падали в обморок. Сверху мундир стягивался и переплетался множеством ремешков для амуниции. На голову наде-

вался высокий тяжелый кивер с высоким султаном. Шеренга должна была двигаться стеной, все обязаны были делать одинаково стройные движения. Полковые командиры во время учения ложились на живот, чтобы яснее видеть равнение носков. Правила движения были чрезвычайно строгими: солдат должен был маршировать так плавно, чтобы стакан воды, поставленный ему на кивер, не расплескался во время маршировки. Размер шага и количество шагов в минуту было строго определены. Солдатская служба тогда тянулась 25 лет. Все ее непомерные строгости держались телесными наказаниями. Мельчайшая неисправность в форме или ошибка при построении, движении и ружейном приеме—и солдат получал сотни и даже тысячи палочных ударов. Особенно ужасным являлось телесное наказание „сквозь строй", придуманное Аракчеевым.

Прогнать „сквозь строй"– означало забить виновного на смерть. Это наказание совершалось следующим образом. Выстраивали 1000 солдат, в два ряда лицом к лицу. Каждому солдату давали в руки хлыст—шпицрутен. Затем выводили преступника, обнаженного до пояса Его руки были привязаны к двум ружейным прикладам Наказываем го вели между рядами солдат, за ним везли на дровнях гроб. Наказание начиналось под треск барабанов. Каждый солдат (из всей 1000) был обязан ударить виновного шпицрутеном. Тело несчастного немедленно же покрывалось кровоподтеками и ранами. При дальнейших ударах летели кровавые брызги. Скоро бока и спина превращались в одну сплошную рану. Местами кожа сваливалась клочьями, и на ружейных прикладах еле двигался

„живой мертвец, обвешанный мясными лоскутами, безумно выкатив оловянные глаза свои".

Все это производило на общество угнетающее действие. Но особенно чутко отнеслись к этой политике варварства вернувшиеся из заграничных походов офицеры. Не надо забывать, что теперь они были людьми с новым кругозором. Наблюдения над заграничной жизнью были слишком поучительны для офицеров русской армии. Во время наполеоновских войн на бивуаках, у походных костров они обсуждали положение родины и сравнивали его с теми порядками, кои царили в Западной Европе. И сравнение было не в пользу России. Из заграничных походов они „возвратились на родину уже с другими, новыми понятиями". К тому же, они, сделавши поход 1812—1815 гг., возвращались героями, с приподнятыми чувствами.

Но что же они увидели дома? Тяжкое рабство крестьян *), дикость, невежество, общую бесправность и т д. И их сердца сжались от боли при одной мысли, что рассчитывать на преобразования сверху нельзя: это видно было из того, как относился император к народу. Якушкин рассказывает, что его дивизия вернулась в Россию морем и высадилась у Ораниенбаума, где слушала благодарственный молебен, во время которого „полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к

*) Положение крепостных мною описано в книжке „Первый борец за русскую свободу". При Александре I оно мало изменилось. Вот почему я здесь и не останавливаюсь на этом важном вопросе. Много нашумевший закон Александра I о вольных хлебопашцах, выход крепостного на волю путем добровольного соглашения с помещиком мало помог делу освобождения крестьян; по этому закону при Александре I вышли на волю только 30.000 человек.

выстроенному войску". Это произвело на офицеров „первое неблагоприятное впечатление по возвращении на родину, в отечество". Но впечатление усилилось после того, как сам император с обнаженной шпагой бросился за переходившим улицу мужиком; „полиция приняла его в палки" Рассказ этот Якушкин заканчивает словами: „Мы не верили собственным глазам и отвернулись стыдясь за любимого царя. Это было во мне первое разочарование на его счет, я невольно вспомнил о кошке, обращенной в красавицу, которая однако-ж не могла видеть мыши, не бросившись на нее".

Тот же Якушкин так изображает политику правительства Александра I во второй половине его правления:

„Армия, избалованная победами и славою, вместо обещанных наград и льгот подчинялась неслыханному угнетению Военные поселения, начальники такие, как Рот, Желтухин и десятки других, забивали солдат палками; боевых офицеров вытесняли со службы, новые наборы производили глухой ропот .. Власть Аракчеева, ссылка Сперанского, неуважение знаменитых генералов и таких сановников, как Мордвинов и Трощинский, сильно волновали людей, которые ожидали обновления, улучшения, благоденствия, исцеления тяжелых ран своего отечества. При таких условиях о прежней любви общества к Александру уже и речи не могло быть".

Но особенную ненависть и среди офицеров и в обществе Александр возбудил своим презрением к русским и ко всему русскому. Про русских теперь император вслух говорил: „каждый русский или дурак, или подлец".

Одновременно с этим, в 1817 г., Александр даровал Польше конституцию. С 1818 г. Польша стала управляться собранием выборных от народа (сейм), а представителем царя в Польшу был назначен брат Александра—Константин, тоже симпатизировавший полякам.

Бесправие России, при даровании Польше конституции, больно ударило по сердцам лучших русских людей. Выходило так, что Польша достойна свободных учреждений, а Россия должна по-прежнему задыхаться в тисках самодержавного произвола.

Александр I, вчерашний кумир, сегодня стал тираном, прежде на него смотрели с любовью и доверием, а теперь с ненавистью и злобой мести. И вместо ожиданий сверху необходимых реформ для страны теперь заговорили о насильственном перевороте и цареубийстве. Этот мотив зазвучал и в поэзии.

Впрочем, весь ужас положения русского народа под игом самодержавия был сознан и правильно понят еще писателями XVIII века. Поэт Княжнин в следующих неуклюжих, но сильных стихах клеймит главное зло русской жизни:

Самодержавие, повсюду бед содетель,
Вредит и самое чистейшую добродетель,
И, невозбранные открыв пути страстям,
Дает свободу быть тиранами царям.

А первый русский революционер Радищев *) в своей оде „Вольность“ уже предсказывает и судьбу самодержавия.

*) Его жизнь и деятельность описана в моей книжке: „Первый борец за свободу русского народа“.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Восстанет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

В песнях поэтов времен Александра I, конечно, не перестает звучать мощный призыв к борьбе за свободу и права человека, а ненависть к игу самовластья и к тому, кто был носителем его, проявляется с особой силой.

Рылеев с негодованием говорит об „изнеженном племени переродившихся славян, которые в роковое время позорят гражданина сан". Он, не желая подражать развратному дворянству, восклицает:

Нет, неспособен я в об'ятиях сладострастья,
В позорной праздности влачит свой век младой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

Он стремится „к бурному мятежу", чтобы найти „свободные права". Предназначение века, по мнению Рылеева, состоит в борьбе „за угнетенную свободу человека; и те, кто этого не понимает, раскаются, когда народ, восстав, застанет их в об'ятиях праздной лени и не найдет в них граждан.

Пушкин идет далее и выражается прямо и до дерзости смело:

Самовластительный злодей,
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью увижу.

Пушкин, призывая к борьбе, верит в торжество свободы; он говорит:

Пока свободою горим
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.
Товарищ, ведь взойдет она,
Заря пленительного счастья.
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

Потребность в политической свободе в среде лучшей части общества была жгучая; люди томились и страдали по ней, задыхаясь в атмосфере всеобщего бесправия и произвола. И никакого просвета не было видно. Оставалось одно: чувства ненависти к самодержавию претворить в действия, от слов перейти к делу и начать организацию боевых сил для уничтожения ненавистного строя.

Так и сделала военная молодежь, представлявшая собою передовую часть общества; она стала об'единяться в кружки и общества для борьбы с самодержавием.

ГЛАВА II.

Тайные общества.

В 1815 году небольшой кружок молодых офицеров Семеновского полка, решивши бросить кутежи и пустую великосветскую жизнь, составил „артель“ для чтения иностранных газет и бесед по вопросам современности, в особенности по вопросам русской жизни.

Закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба

в течение 25 лет почти была каторгой; повсеместное лихоимство, грабительство, и, наконец, явное неуважение к человеку вообще,—вот вопросы, которые волновали молодых офицеров, составивших в Петербурге военную артель.

Император Александр I, узнавши про эту артель, приказал ее закрыть. Этого было вполне довольно, чтобы положить начало тайным обществам.

Немедленно же после закрытия семеновской артели шесть офицеров*), находившихся в дружеских отношениях, основали „на благо России" „Союз спасения или истинных и верных сынов отечества". Вслед за этим тайным обществом составилось „Военное общество" и др.

Сначала тайные общества задавались очень скромными целями: они заботились об умственном и нравственном развитии своих членов и подчиненных им нижних чинов, стремились к уничтожению жестокого обращения офицеров с солдатами и т. п. Со времени возникновения первых тайных обществ многие гвардейские офицеры совсем перестали появляться в театрах и на балах: они сидели в казармах и учили солдат грамоте. В тех полках, где были офицеры из тайных обществ, стали исчезать телесные наказания, сквернословие, грубое обращение и т. д.

Среди членов Союза Спасения шли также разговоры о даровании свободы крепостным крестьянам. Предполагалось убедить дворян подать о том просьбу императору. Однако, члены общества

*) И. Д Якушкин, Александр, Никита, Яков, Матвей и Сергей Муравьевы; к ним скоро присоединились князь Трубецкой, Пестель и др.

пришли к мысли, что дворянство на это не пойдет. Один из главарей общества, П. И. Пестель, говорит, что „настоящая цель общества было введение монархического конституционного правления; а одно освобождение крестьян было целью при самом первом начале и весьма короткое время".

Деятельность Союза Спасения оказалась слабой. Можно говорить лишь о настроении его членов, а не об их работе.

В 1816—17 г.г. среди членов Союза вражда к Александру I была уже так сильна, что для уничтожения самодержавия им казалось прежде всего необходимым цареубийство. Особенно на этом настаивал Лунин. „Когда настанет время приступить к действиям, — говорил он, — нужно убить государя на царскосельской дороге при помощи особого отряда с масками на лице". Мысль о цареубийстве занимала также Пестеля, А. Муравьева и Якушкина.

Союз Спасения хотя и не вел положительной работы, но на своих членов оказывал сильное действие, особенно—на молодежь, стремившуюся найти в жизни „прямую и высокую цель". Достаточно указать на то, что в тех гвардейских казармах, где служили члены Союза, повеяло новым духом истинной человечности.

В 1818 г. Союз Спасения, в виду его бездеятельности, было решено закрыть. Вместо него открылся „Союз Благоденствия".

Этот Союз имел свой устав, первая статья которого гласила:

„Убедясь, что добрая нравственность, есть оплот благоденствия и доблести народной, и что при всех об оном заботах правительства, едва ли

достигнет оное своей цели, ежели управляемые с своей стороны ему в сих благотворных намерениях содействовать не станут. „Союз Благоденствия“ в святую себе вменяет обязанность распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения, споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим Творцом предназначена“.

По уставу деятельность Союза имела четыре „отрасли“:

1. Человеколюбие: частная и общественная благотворительность; надзор за деятельностью учреждений, ведающих дела благотворительности и оказания помощи им.

2. Широкое образование народа путем открытия училищ, распространение книг и т. п., воспитание в народе любви к родине.

3. Наблюдение за правильным ходом правосудия и деятельностью чиновников. Обязательное участие членов союза на службе по выборам.

4. Заботы о поднятии промышленности и увеличении народного благосостояния.

Но действительная конечная цель общества была вовсе не в этом. Декабрист Якушкин об уставе союза прямо говорит:

„В самом начале изложения его было сказано, что члены тайного общества соединяются с целью противодействовать злонамеренным людям и вместе с тем споспешествовать благим намерениям правительства. В этих словах была уже на половину ложь, потому что никто из нас не верил в благие намерения правительства“.

И, конечно, настоящая цель общества сводилась к тому, чтобы путем восстания свергнуть самодержавное правительство и установить в России народное правление и равноправность граждан, уничтожить крепостное право и поднять экономическое положение крестьян.

Члены Союза обязывались при всяком удобном случае вести проповедь освободительных идей. В Союз принимались лишь люди с высокой нравственностью. „Все люди, преданные игре, вину и женщинам, исключались без вопроса. Член должен был быть не запятнан ни одним подлым поступком, дознанного безкорыстия, твердого характера, если можно—храбр (на войне или на поединке) и даже крепкого здоровья".

Лучшим офицерам Союз сразу же пришелся по душе. Он привлекал к себе тем, что был построен „на правилах чистейшей нравственности и деятельной любви к человечеству".

В Союз вошло довольно значительное число военных (точная цифра неизвестна, но, судя по показаниям его членов, не более 100 чел.). Члены Союза громко и смело осуждали безобразие правительства. Они „гремели против диких учреждений, каковы палка, крепостное состояние" и пр., действовали „посредством слова истины" и заботились об уничтожении в полках телесных наказаний.—Самым деятельным членом Союза Благоденствия явился П. И. Пестель, полковник южной армии. Он много трудился над просвещением офицеров, настаивал на необходимости изучения лучших философов и политико-экономов по вечерам часто устраивал собрания „для чтений и суждений", для обмена мыслями. В скором времени результаты

работы Пестеля оказались: совместные чтения и беседы офицеров стали обычным явлением, свободное время уходило не на вино и карты, а на самообразование...

Члены Союза умело возбуждали в обществе ненависть к самодержавию и этим готовили себе членов. Но новых членов, хотя бы из числа подготовленных, в общество принимали с величайшей осторожностью; сразу им не открывали истинных целей его. Когда считали, что намеченный человек достоин принятия в общество, то его постепенно, издалека знакомили с задачами Союза. Летом 1822 года член южного общества князь Барятинский сообщил своему хорошему знакомому о существовании тайного общества. Между ними произошел такой разговор:

— Какая же цель этого общества?—спросил новичек князя Барятинского.

— Избавить отечество от порабощения и ввести правление конституционное,—ответил ему князь Барятинский.

— Но Россия далеко еще не готова к принятию такого правления,—возразил ему новичек.

— Правда,—ответил князь Барятинский,—и потому-то в плане общества принято правилом прежде всего распространять просвещение и свободомыслие, а между тем, отыскивая повсюду людей с благородным духом и независимым характером, беспрестанно ими усиливаться; когда же общество будет так сильно, что голос его не может быть не уважен, потребовать от государя конституции такой же, как в Англии.

Глава южного общества—Пестель—особенно умело обходился с неразвитыми в политическом

отношении молодыми людьми. Таких Пестель сначала воспитывал, а потом уже посвящал в истинные планы общества. Если же он видел, что слушатель далек от мысли настоящего народовластия, то немедленно же соглашался, что главная цель общества—ограничение царского произвола. Иногда в разговорах с новичками Пестель одобрял английское государственное устройство, которое и тогда было исключительно направлено на защиту богачей и аристократов. И если Пестель замечал, что слушатель недоволен английской конституцией, то немедленно же переводил разговор и говорил, что он тоже за американское государственное устройство, при котором охраняются интересы всех, а не одних только „лордов и купцов", как это в Англии. И мало-помалу Пестель доводил слушателя до необходимости действовать силою и даже намекал на возможность цареубийства.

Но как действовать силою? Откуда взять эту силу чтобы при помощи ее переменить государственный строй в России? Ясно, что для этого нужно подготовить войска, воспитать их так, чтобы они могли сознательно выступить на завоевание прав народу.

Войска собственно были подготовлены хорошо к тому, чтобы охотно и даже с увлечением слушать проповедь ненависти к правительству. Забитое войско, конечно, было нетрудно обратить против угнетателей. В секретном приложении „к докладу следственной комиссии о злоумышленных обществах" говорится:

„Главным они почитают пороки настоящего образа продовольствия; ибо этим нижние чины не только лишаются принадлежащих им по праву остатков и всех выгод бережливости, но иногда не

имеют и достаточного пропитания. Видя же, что начальники похищают их собственность, приучаются и ненавидеть и презирать их. Другое столь же важное зло есть большое число штрафованных солдат и разжалованных офицеров и иных чиновников, людей, если не всегда очернивших себя злодеянием... то, по крайней мере, оказавших худые склонности и, сверх того, лишенных всякой надежды на улучшение судьбы своей в будущем, следственно, готовых на все".

Князь Васильчиков—командир гвардейского корпуса—идет еще дальше. Он говорит, что „все полки более или менее подготовлены были к 14 декабря неудовольствием, возбужденным излишнею взыскательностью фронтовой службы". Успех пропаганды в такой армии, конечно, был громадный. В настоящее время мы имеем сведения о том, как работали в войсковых частях члены южного общества.

В начале деятельности общества главою движения на юге был генерал Михаил Федорович Орлов, человек с большими способностями и прекрасными душевными качествами. Он употребил массу усилий на распространение просвещения среди солдат своей дивизии. Офицеры под руководством Орлова, не просто учили солдат в школах и заботились об их духовном развитии, но и воспитывали в них лучшие человеческие чувства, уничтожали в них чувства раба и слепого подчинения воли начальства, старались входить с ними в близкие отношения и внушали им мысль, что солдат—тоже гражданин, независимая личность. Подобное отношение к солдату не только тогда, но и теперь было бы сочтено за революционное действие.

Жестокое обращение с солдатами выводилось всеми мерами, не исключая и наказаний виновных в этом офицеров. Орлов в заботах о солдатах шел так далеко, что нарушал порой и ходячие понятия о воинской дисциплине. Так, он не только принимал, но и поощрял жалобы нижних чинов на начальников, злоупотреблявших своею властью. Орлов находил, что личность человека и ее достоинство выше требований так называемой дисциплины.

Особливо благотворную роль играли школы: они солдат из бессловесных загнанных животных превращали в сознательных людей *).

---

*) Есть указание на то, что пускались в ход прокламации. Но достоверных сведений об этом в печатных источниках мало. Известен, между прочим, православный катехизис, составленный С. И. Муравьевым-Апостолом и читанный им своим солдатам в день сражения 3-го января 1826 года под Белой Церковью.

Вот отрывки из этого „катехизиса".

Вопрос.—Для чего Бог создал человека?

Ответ—Для того, чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

Вопрос.—Что значит веровать в Бога?

Ответ.—Бог наш Иисус Христос, сошедши на землю для спасения нас, оставил нам Святое свое евангелие. Веровать в Бога значит следовать во всем истинному смыслу начертанных в нем законов.

Вопрос.—Что значит быть свободным.

Ответ.—Без свободы нет счастия. Святой апостол Павел говорит: „Ценой крови куплены есте, не будете раби человеком". Бог создал нас всех разными, поэтому русское воинство для освобождения народа должно „ополчиться против тиранства и восстановить веру и свободу в России"...

Далее идут вопросы и ответы о том, должно-ли повиноваться начальству, если оно идет против воли Бога. Какое правление сходно с законом Божиим. Как ополчаться чистым сердцем. До сих пор на русском языке в целом катехизис Муравьева еще не был опубликован. Историк Шильдер в своем огромном сочинении о Николае I считает прямо невозможным напечатание его.

Тайные агенты (шпионы) доносили в Петербург, что в военных школах „кроме грамоты, учат солдат и толкуют о каком-то просвещении". Нижние чины говорят: дивизионный командир (М. Ф. Орлов) наш отец, он нас просвещает; 167-ю дивизию называют Орловщиной... Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство *). Липранди говорит часовым, у него стоящим: „Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до сведения дивизионного командира (Орлова). Я ваш защитник, молите Бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так и вестовые, наставление сие передайте один другому".

Однако, несмотря на изложенное, следует сказать, что деятельность Союза Благоденствия носила не революционный, а чисто просветительный, гуманитарный характер. Для выполнения своей основной задачи Союз оказался неспособным, так как в нем возникли серьезные разногласия. На юге, под влиянием Пестеля, стояли за республику, а на севере—за конституционную монархию.

Разногласия в Союзе, а также известие о том, что правительству известны все данные о нем, привели к тому, что в 1821 году главари решили совсем распустить Союз Благоденствия. Но это было простой уловкой. Таким способом главари надеялись разом убить двух зайцев: ввести в заблуждение правительство и отделаться навсегда от слабых и ненадежных товарищей.

После этого наиболее деятельные члены бывшего Союза Благоденствия постановили продолжать

*) Речь идет о событиях на юге, в Кишиневе, где поэт А. С. Пушкин в это время находился в политической ссылке.

деятельность закрытого тайного общества, при чем в программу действий включили новый пункт: признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай.

На этот раз образовались два тайных общества — Южное и Северное. На юге попрежнему главным деятелем оставался Пестель. Члены Южного Общества распространяли республиканские идеи и проповедывали необходимость цареубийства и революционного переворота. В некоторых частях войск революционная работа, повидимому, велась и среди солдат. Незадолго до 14 декабря 1825 г. посланный Пестеля был с поручениями у С. Муравьева-Апостола. В то время часть Муравьева была совершенно готова к восстанию „хоть сейчас в поле".

Муравьев говорил посланному:

— У нас ничего не бойтесь. Говорите все и при всех. Я вам это докажу.

После этого он вывел вперед одну роту и спросил ее:

— Ребята! Пойдете ли за мною—куда ни захочу?

— Куда угодно, ваше высокоблагородие,— отвечали солдаты.

Скоро начальство заметило явные следы революционной пропаганды в южной армии.

Брожение в южной армии 1818—1822 г.г. заставило власти насторожиться. Начальник штаба 2-й южной армии Киселев еще в 1819 г. получил из Петербурга письмо, в котором говорилось:

„Возьми свои меры: государь своего мнения о Пестеле не переменил и не переменит. Он его хорошо, кажется, знает".

Отвечая в Петербург, Киселев признавал, что в армии есть „лица неблагомыслящие, которые стремятся, но без успеха, к развращению других, мнения их и действия мне известны, а потому, следя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности и довершу издавна начатое„.

Далее, он пред'являет правительству требование: „Удалите от военной службы всех тех, которые не действуют по смыслу правительства; все они в английском клубе безопасны, а в полках чрезмерно вредны; дух времени распространяется повсюду, и некоторое волнение в умах заметно; радикальные способы к исторжению причин вольнодумства зависят не от нас; но дело наше не дозволяет распространяться оному и укрощать, сколько можно, зло. Неуместная и беспрерывная строгость возродит его, а потому остается зараженных удалять и поступать с ними, как с чумными: „лечить сколько возможно, но сообщение воспрещать".

Киселев даже изобрел средства как узнавать „зараженных", чтобы потом заняться их лечением, он при армии учредил тайную полицию, о которой 15-го марта 1823 г. уже писал в Петербург: „Секретная полиция, мною образованная в июле 1821 года, много оказала услуг полезных, ибо много обнаружила обстоятельств, через которые лица и дела представились в настоящем виде; дух времени заставляет усилить часть сию".

Собственно полиция при 2 ой армии ничего не могла открыть. Был лишь 6-го февраля арестован офицер Раевский. Этот арест мог повлечь за собою серьезные последствия для Южного Об—ва, так как при обыске у Раевского был найден спи-

сок всех тульчинских членов. Список этот с соответствующей бумагой был переслан начальнику штаба Киселеву. Кисилев отдал бумагу с приложением списка своему старшему ад'ютанту Бурцеву, приказав немедленно же по ней исполнить. Бурцев, придя домой, не без удивления в переданных ему бумагах нашел список тульчинских членов, в числе которых был и он сам. Бурцев, недолго думая, бросил этот список в камин. Этим дело и кончилось. А следствие повели против одного Раевского, при чем петербургское начальство „настоятельно требовало открытия заговора". Но так на этот раз ничего и не удалось открыть.

После 1823 г Пестель пользовался огромным влиянием на юге. Теперь уж ему не нужно было итти к цели окольными путями, теперь ему не приходилось изворачиваться, приспособляться и хитрить в беседах с членами общества.

Вопрос о перевороте теперь поставлен ребром, о компромиссах и речи нет.

— Что делать с членами императорской фамилии в случае успеха? — спрашивает Пестель своих товарищей.

Отвечали различно Одни: сослать Другие: в тюрьму. Третьи: изгнать из России.

— Их надо уничтожить — твердо заявляет Пестель, выслушав товарищей.

— Как, ведь это ужасно!- восклицают товарищи

— Это я знаю,—отвечает Пестель.

Многие колебались. Но большинство склонялось к мнению Пестеля.

Проходит несколько месяцев. Пестель собирает товарищей и снова задает им тот же вопрос. На этот раз мнение Пестеля принимается едино-

гласно. Мало того: польским тайным обществам ставится требование, чтобы они взяли на себя обязательство убить наместника Польши, великого князя Константина, жившего в Варшаве.

После закрытия Союза Благоденствия, и в Петербурге изменился состав Общества. Душой Северного Общества явился поэт Рылеев. Северяне, будучи по духу близкими к южанам, однако не могли об'единиться с ними из-за Пестеля, которого они боялись. Им все казалось, что Пестель непременно хочет стать диктатором наподобие Наполеона. Этот вывод они делали из мнений Пестеля о продолжительности срока диктатуры.

— Конечно, это положение вещей продлится всего только несколько месяцев? — раз спросили Пестеля.

Но Пестель ответил:

— Как, вы считаете возможным изменить всю эту государственную машину, дать ей другое основание, приучить людей к новым порядкам в течение нескольких месяцев? Для этого потребуется, по крайней мере, лет десять.

Впрочем, взгляд Пестеля на диктатуру, вернее, на ее продолжительность, станет еще более понятным, если принять во внимание то, что Пестель не хотел останавливаться на демократической республике; он стремился к коренной социальной реформе, для проведения которой, по его мнению, и необходима была продолжительная диктатура.

На одном из собраний он сказал:

— Вы провозгласите демократическую республику, но это будет лишь перемена в названии. Главным образом нужно решить вопрос о поземельной собственности. Необходимо отдать землю

крестьянам, и только тогда цель революции будет достигнута.

Так широко для своего времени и своего положения понимал Пестель революционный переворот. Революция в России должна быть не только политической, но и в значительной степени социальной.

В 1824 году обстоятельства стали складываться так, что пора была приступить к действиям. Южане имели членов во всей 2-ой армии, а северяне их имели и при дворе, и среди высших чиновников, и аристократии.

Пестель настаивал на скорейшем поднятии восстания. В 1824 году он поехал в Петербург, чтобы об'единить южан с северянами. Этого ему не удалось сделать. Все сходились на одном: на необходимости уничтожить самодержавие и крепостное право. Вопрос о том, быть ли в России конституционной монархии или демократической республике, по мнению северян, должно было решить учредительное собрание. Но предложение покончить с царской фамилией встретило среди северян противников. На республику соглашались лишь в том случае, если император откажется подписать конституцию. Но и тогда они находили возможным послать царя в ссылку с его семьей. Но Пестель остался непоколебим. Он говорил:

— Полумеры тут не годятся. Сначала арестовать Александра и его семейство и покончить с ними, а потом завладеть сенатом и синодом, захватить членов этих учреждений, провозгласить новое правление. И как только это будет сделано, всех высших гражданских и военных чиновников об'явить уволенными, заменить их членами революционного общества.

Пестель уехал из Петербурга в надежде устроить с'езд в начале 1826 года, при чем после соглашения на этом с'езде следовало без промедления поднять армию.

Положение становилось затруднительным. „Горячая экзальтированная молодежь южной, особливо васильковой организации, едва подчинялась авторитету Пестеля. И когда правительство, не давая никаких об'яснений, вдруг отняло у полковника Швейковского — деятельного заговорщика — саратовский полк, возмущение готово было вспыхнуть. С другой стороны, Общество слишком разрослось, чтобы долго оставаться тайным. И Пестель был прав, настаивая на необходимости перейти к решительным действиям".

В сущности обстоятельства благоприятствовали заговорщикам. Вооруженное восстание, поднятое одновременно в Петербурге, Москве и на юге, окончилось бы победой заговорщиков.

При Александре I полиция была плохая, караулы в крепостях и при дворе слабые, больше для украшения, чем для охраны. Между тем в распоряжении заговорщиков были значительные силы, особенно на юге.

На юге дело обстояло так.

Сам Пестель командовал полком и в то же время состоял ад'ютантом у начальника южной армии. Полк был вполне предан Пестелю. Кроме того—во второй армии в числе друзей Пестеля были: генерал-интендант 2-ой армии Юшневский и два генерала действующей армии—фон-Визин и князь С. Волконский. Все трое вполне разделяли взгляды Пестеля. Кроме этих, Пестель насчитывал в числе преданных ему: 6 энергичных полковников

и 2 подполковников. Не надо забывать, что каждый из них располагал значительным количеством офицеров и полковыми денежными средствами. Кроме того, они хорошо знали все тайны штаба, интендантства и т. д.

Пестель при наличности этих сил намерен был исполнить следующий план. Во время маневров, когда был бы на карауле полк Пестеля, арестовать царя и всех высших чиновников. После этого захватить ближайшую крепость, и из этого укрепленного места снестись с Варшавой и Петербургом.

Северяне же в это время должны были поднять армию, где они имели двух своих полковников и многих командиров отдельных частей.

Кроме того петербургские заговорщики успели завоевать себе в обществе расположение. Высокообразованные, богато одаренные талантами, энергией и нравственно чистые заговорщики производили чарующее действие на лучшую часть общества. И все честное было на их стороне. О молодежи и говорить нечего, она зачитывалась произведениями Рылеева, Бестужева, „Полярной Звездой", „Мнемозиной" и т. д. и преклонялась перед ними. Значит, и северяне могли рассчитывать на верный успех.

Но обстоятельства разрушили план Пестеля. И восстание без всякой планомерности и авторитетного руководства, при неполных силах, без согласованности действий севера с югом пришлось начать раньше определенного срока.

Еще в июне 1825 года Александр I получил от унтер-офицера 3-го Бугского Уланского полка, Шервуда донос, указывавший на существование тайного общества. В сентябре он подал новый донос, уже с подробными указаниями.

Доносы Шервуда скоро подтвердились доносами генерал-лейтенанта Витта и капитана вятского полка Майбороды, члена Союза Благоденствия.

18 ноября умер Александр I, наступило междуцарствие, окончившееся 14-м декабря.

Накануне этого дня был арестован на юге Пестель. В этот же день решилась судьба заговорщиков в Петербурге.

ГЛАВА III.

Междуцарствие.

Александр I притворно еще с юных лет любил говорить об отречении от престола. В первые годы своего царствования он писал своему воспитателю Лагарпу „Когда возведу Россию на путь благоденствия, то первым моим делом будет сложить с себя бремя правления и удалиться в какой-нибудь уголок Европы, где я стану безмятежно наслаждаться добром утвержденным в отечестве".

Позднее эту мысль Александр не менее притворно выражал много раз разным лицам, не исключая и своих братьев. Так, летом 1819 года он говорил своему брату Николаю (будущему царю) и его жене о своем отвращении к престолу. Во время этого разговора он жаловался на упадок сил и жалел, что не может иметь детей, виня в этом связь, которую имел в молодости. Да и воспитание было плохое. К тому же у него нет детей, „коих можно признать своими". Разговор свой Александр закончил неожиданным для Николая сообщением: „Константин, законный

наследник, тоже чувствует отвращение к престолу и, не имея детей, отказывается от прав на корону".

— Итак, вы должны наперед узнать, что призываетесь в будущем к императорскому сану, сказал в заключение император.

Николай и его жена были поражены этим сообщением, как громом.

Николай никогда не мечтал о престоле, и так как наследником был Константин, то его и не готовили к этому. Воспитание он получил чисто военное. Его держали вдали от управления, и в государственных делах он был совершенно несведущим человеком. Единственно, что он постиг и знал в совершенстве, — это фронтовая служба и команда. Обстоятельства складывались так, что этому солдату с головы до ног судьба готовила трон.

В 1822 году Константин, имевший слишком скандальное прошлое, под давлением Александра, за лучшее счел отказаться от прав на царство.

Император Александр I принял отказ Константина и решил составить акт об отречении наследника от престола. Акт этот почему-то был изготовлен втайне; о нем, кроме царской семьи, знали только Аракчеев, князь Голицын, супруги Карамзины принц Вильгельм и архиепископ (впоследствии митрополит московский) Филарет, которому было поручено написать самый текст акта.

Акт об отречении был изготовлен в четырех списках. Списки были запечатаны в конверты, и на конвертах были сделаны рукой царя надписи, гласившие, что в случае его смерти конверты следует вскрыть „прежде всякого другого действия". Акты эти были помещены в государственном

совете, святейшем синоде, сенате и московском Успенском соборе.

Император, умирая, не открыл тайны окружавшим его лицам, а тех, кто знал тайну, в то время при нем не было.

И когда 19 ноября 1825 года Александр I умер, то из Таганрога полетели гонцы в Варшаву и в Петербург с признанием Константина Павловича императором.

Константин был поражен смертью Александра I и целую ночь провел в размышлениях, как ему быть.

Но потом решил подтвердить отречение от престола и об этом послал сообщение в Петербург.

Тем временем в Петербурге уже успели присягнуть Константину. Под давлением генерал-губернатора Милорадовича, первым присягнул Николай.

К Николаю отношение было настолько недоброжелательное, что ему не хотели присягать даже и после того, как стало известно об отречении Константина от престола. 27 ноября собрался государственный совет, куда явился князь Голицын и сообщил, что после Александра I осталось завещание, по которому Николай должен наследовать престол. Но министр юстиции, уже присягнувший Константину, сказал:

— Мертвые не имеют воли.

Раздались голоса, что не стоит вскрывать конверт. Но большинство находило необходимым вскрытие. Впрочем, и это не улучшило положения. Генерал-губернатор Милорадович заявил, что Николай уже присягнул Константину, следовательно,— теперь поздно говорить об отречении последнего и о правах первого. И государственный совет

присягнул Константину, а сенат немедленно же разослал по всей России указ о присяге новому императору. В Варшаву Константину послали извещение о том, что присяга на верность ему была принесена в Петербурге.

Посланцы из Варшавы в Петербург и из Петербурга в Варшаву встретились в дороге. Каждый из них вез отречение от престола. Николай отрекался от престола в пользу Константина, Константин отрекался в пользу Николая. На время в России установилось небывалое положение: „междуцарствие при двух императорах".

Это положение тянулось 16 дней, вплоть до 14 декабря. В Петербурге долго не получали из Варшавы известий. Где находится новый царь, никто не знал. Это многих волновало и, благодаря отсутствию царя, в управлении стали создаваться затруднения. Николай нигде не показывался, но тем не менее вел себя, как царь, получал и распечатывал бумаги на имя императора, делал по ним распоряжения и т. д

В Петербурге царило наружное спокойствие. Но в действительности в городе происходили многочисленные сходки членов тайного общества, шли горячие споры, строились планы переворота.

При дворе опасались волнений в городе, но генерал-губернатор Милорадович уверял, что город совершенно спокоен, и что на всякий случай приняты необходимые меры предосторожности.

Полиция имела сведения о том, что в городе часто происходят какие-то собрания, и об этом доносила генерал-губернатору Милорадовичу, но Милорадович совершенно спокойно ответил на доносы:

— Все вздор, оставьте этих мальчишек в покое читать друг другу свои дрянные стишонки.

На самом же деле положение было серьезное и для самодержавия опасное. Члены Северного Общества решили действовать. На успех они не рассчитывали и не обольщали себя надеждой, что можно легко свергнуть самодержавие и установить в России конституционное правление. После присяги государственного совета 27 ноября, на время взявшего государственную власть в свои руки, декабрист Батенков говорил: „Потеряли случай, которому подобного не будет в целые 50 лет; если бы в государственном совете были головы, то ныне Россия присягнула бы вместе и новому государю и новым законам. Теперь все для нас пропало невозвратно".

Тем не менее 12 декабря на собрании у Рылеева сделали подсчет силам. Н. Бестужев и Арбузов ручались за гвардейский экипаж, Бестужев 3-й отвечал за часть московского полка; Репин за часть финляндского полка. Решили не присягать Николаю и верные заговорщикам войска повести на Сенатскую площадь. Князя Трубецкого назначили диктатором. Ему предоставили неограниченное право распоряжения всеми силами тайного общества. Все понимали, что медлить нельзя, и что настала решительная минута.

И заговорщики решили привести в исполнение следующий план:

1) Для целей вооруженного восстания употребить войска, кои откажутся присягать Николаю, „не допуская их до беспорядков и стремясь только к преумножению числа их".

2) В случае успеха восстания уничтожить самодержавие и учредить временное правительство из трех членов *).

3) Командование армией и управление Петропавловской крепостью отдать в руки людей, преданных обществу.

4) Временное правительство должно учредить по всей России „камеры для избрания депутатов" в учредительное собрание.

5) Сенат должен издать манифест о том, что учредительное собрание из представителей всей земли русской должно определить новые законы для управления Россией на будущее время.

6) Временное правительство предложит учредительному собранию принять конституцию, т. е. проект государственного устройства на основах народного представительства **).

Впоследствии для утверждения нового строя они хотели провести еще следующие меры:

---

*) Временное правительство решено было составить из влиятельных членов государственного совета: Сперанского, Мордвинова и Муравьева-Апостола. В состав этого правительства должны были войти еще один представитель от тайного общества, чтобы „бесслабно следить за всеми действиями его", и представитель от Польши „для постановления мер к сохранению единства державы".

**) Пестель намерен был предложить на обсуждение учредительного собрания проект республиканской конституции, под названием „Русская Правда".

Пестель находил необходимым упразднить самодержавие царя и заменить его самодержавием народа; только сам народ через своих выборных может и должен управлять государством и вести все его дела.

Никита Муравьев хотел предложить учредительному собранию проект конституции, в котором стоял за ограниченную монархию: во главе управления Россией стоит конституционный царь с правами президента Северо-Американских Соединенных Штатов.

1) Учредить провинциальные палаты для местного законодательства

2) Военные поселения обратить в народную стражу.

3) Провозгласить самоуправление университетов.

4) Петропавловскую крепость отдать городскому самоуправлению.

В случае неудачи решено было выступить из города, чтобы вызвать возмущение в провинции.

Среди заговорщиков царило сильное воодушевление. Возможность неудачи их не устрашала напротив, это усилило их энергию и еще более поднимало революционное настроение.

Впрочем, члены тайного общества очутились в таком положении, что во всяком случае им необходимо было выступить открыто против самодержавия.

1-го декабря Рылеев, показывая товарищам копию письма молодого офицера Ростовцева *) к Николаю, воскликнул:

— Мы погибли, но уж если погибать, так уж лучше с оружием в руках... Видите ль? Нам изменили. Двор уж многое знает, но не все, и мы еще довольно сильны. — Ножны изломаны и сабель спрятать нельзя

Путь к отступлению заговорщикам был отрезан. Отказываться от открытого протеста против самодержавия было уже поздно

---

*) Ростовцев был близок к членам Северного Общества, но подробностей заговора не знал. Он лишь в общих чертах донес Николаю о заговоре. Впоследствии Ростовцев был влиятельным человеком при дворе и между прочим принимал близкое участие в деле освобождения крестьян при Александре II.

13 декабря заговорщик поэт Одоевский, выражая настроение большинства товарищей, говорил своим друзьям.

— Мы идем на смерть, но на какую славную смерть!..

Приближалась решительная минута...

Кроме доноса Ростовцева, Николай получил 12 декабря из Таганрога от Дибича не оставляющее никаких сомнений сообщение о существовании заговора.

Это сообщение было составлено на основании доносов Шервуда, Витта и Майбороды.

ГЛАВА IV.

14 декабря 1825 года.

Наступило 14 декабря.

Рано утром в Зимнем дворце были собраны начальники дивизий и командиры бригад отдельных полков и отдельных батальонов гвардейского корпуса. Николай, ознакомивши их с отречением Константина и со своим вступлением на царство спросил:

— Не имеет-ли кто каких сомнений?

Все единогласно ответили, что признают Николая законным царем. Николай, успокоенный, грозно крикнул:

— После этого вы отвечаете мне головою за спокойствие столицы; а что до меня, если буду императором хоть на один час, то покажу, что был того достоин.

Командиры из дворца поехали приводить к присяге войска. Восемь полков и саперный батальон спокойно принесли присягу. Но московский

полк был в волнении и не хотел присягать Николаю. Солдаты взяли боевые патроны и зарядили ружья, после чего значительная часть полка выбежала из казарм с криком „ура! да здравствует конституция", увлекая за собой встречавшихся военных, и направилась к Сенатской площади. Этой частью полка предводительствовали князь Ростовский и М. Бестужев.

Часть полка, удержанная в казармах, тоже отказалась от присяги. Отказались также принять присягу гренадеры, морской экипаж и др. и явились на Сенатскую площадь к московцам.

Всего восставших войск собралось до 2000 чел.

Восставшие войска, выстроившись четыреугольником, стояли неподвижно.

С первых же минут появления на площади они очутились в странном положении. Диктатор князь Трубецкой не явился к восставшим войскам, и его целый день искали по городу. Бывший на площади Рылеев не решился принять на себя командование, так как был в штатском платье, а Бестужев, как моряк, не умел командовать пехотой.

Войска стояли и ждали неминуемой гибели.

Тем временем к месту мятежа и к Зимнему дворцу Николай стал стягивать со всей столицы верные ему войска.

Генерал-губернатор Милорадович вступил было в переговоры с восставшими, но немедленно же был убит Каховским. Ни к чему также не привела и попытка митрополита Серафима, хотевшего уговорить повстанцев покориться Николаю.

Солдаты ему сказали, что это дело не духовное, и если архиерей может присягать по два раза на неделе, то таковое клятвопреступление

им не пример. Митрополиту пришлось удалиться ни с чем.

Вскоре верхом на лошади, окруженный батальоном преображенского полка с ружьями на перевес, показался сам император.

Видя, что восставшие солдаты окружены со всех сторон верными правительству войсками, Николай решил конной атакой рассеять мятежников. Конной гвардии он скомандовал: „За Бога и царя марш, марш!" Конная гвардия под командой генерала Орлова несколько раз бросалась в атаку, но безуспешно. Все атаки были отбиты, и Орлов отступил с уроном.

После этого было решено прибегнуть к артиллерии. На конную положиться побоялись, так как в ней были утром колебания, а потому предпочли пустить в ход пешую.

В городе происходило сильное смятение, которым восставшие свободно могли пользоваться для своих целей.

В особенно благоприятном положении очутился поручик Панов с частью лейб-гвардии гренадерского полка. Он во время всеобщей суматохи совершенно свободно вошел во двор Зимнего дворца и довольно долгое время находился здесь в бездействии. Но потом, заметив солдат саперного батальона, крикнул предводимому им отряду:

— Да это не наши, ребята, за мной!

Силы Панова в этот момент были настолько велики, что он мог совершенно свободно захватить артиллерию, находившуюся у Зимнего дворца, или занять Петропавловскую крепость, которая охранялась слабым караулом. Но Панов не сделал ни того, ни другого, а пошел со своими солдатами

на Сенатскую площадь, чтобы присоединиться к своим товарищам.

Во втором часу на Сенатскую площадь привезли пушки, чтобы действовать ими против восставших. Но это удалось не сразу: не было боевых снарядов. Генерал Сухозанет не без страха доложил об этом на ухо Николаю: „Орудия заряжены, но без боевых зарядов; они скоро будут".

Дело в том, что боевые снаряды еле удалось добыть, так как заведующий их складом долго не хотел их давать посланным, не зная, от кого они,— от царя или от восставших войск.

Уже темнело. Мятежники, Николай и верные ему войска терялись и не знали, чем кончится эта ужасная неопределенность.

В 2 часа пополудни приехал из Варшавы от великого князя генерал Толь. Узнавши в Зимнем дворце о восстании, он направился на Сенатскую площадь. Царь ему сказал:

— Взгляните, что здесь происходит. Прекрасное начало царствования: престол, обагренный кровью!

Толь ответил:

— Ваше величество, одно средство окончить это дело—пустить картечью в эту сволочь.

Но была сделана последняя попытка уговорить восставших: генерал Сухозанет предложил им сложить оружие, обещая от имени царя всем помилование, кроме главных виновников. Но и Сухозанета постигла неудача Под'езжая к царю, он доложил, что мятежники не хотят складывать оружие и требуют конституции.

Царь пожал плечами и скомандовал:

— Пальба орудиями по порядку, первый фланг, начинай первый!

Но выстрела не последовало. Первая команда офицера Бакунина осталась без исполнения. Пальник, уже два раза слышавший приказ, не спешил выполнением команды. Разозленный офицер соскочил с лошади, бросился к пушке и закричал на пальника.

— Не слышишь ты, что-ли?

— Слышал, но это свои, ваше благородие,— ответил солдат.

— Если бы я даже сам стоял перед дулом и скомандовал „пали",—тебе и тогда не следовало-бы останавливаться!

Пальник повиновался.

Первый выстрел ударил в здание сената. Но за ним последовали второй и третий. Они попали в самую середину толпы восставших и тотчас ее смешали.

Страшная сила картечи сделала свое дело. Часть толпы бросилась к той стороне площади, которая была занята Семеновским полком, и наперла на него всею силою. Но и здесь ее встретили картечью.

После этого повстанцы попробовали было построиться на льду р. Невы. Но стрельба из пушек по восставшим окончательно расстроили их ряды, так как сопротивляться силе картечи было невозможно.

К десяти часам вечера мятеж был подавлен.

Точное количество убитых и раненых осталось неизвестным.

Николай одержал полную победу над декабристами. Пошли массовые аресты и началась жестокая расправа. И для России наступили черные дни—страшное царствование Николая I.

Почти одновременно с Петербургом разыгрались события и на юге России.

Александр I первые важные доносы о существовании заговора получил в Таганроге, но ничего не предпринял для открытия заговора. Однако генералы Дибич и Чернышев сразу же после смерти императора решили арестовать главных деятелей Южного Общества.

В ночь на 14 декабря был арестован Пестель. Это было страшным ударом для Южного Общества Генерал-маиор кн С. Волконский сумел повидаться с арестованным Пестелем, который сказал ему:

— Не бойтесь, спасайте только мою „Русскую правду", а я не открою ничего.

Но Пестель ошибся: все было потеряно. В Петербуге декабристы потерпели 14-го декабря страшное поражение. 29 декабря были арестованы на юге С. и М. Муравьевы и др. Но офицеры, принадлежавшие к обществу „Соединенных славян", получив эту весть, подняли несколько рот и пошли с оружием в руках освобождать своих товарищей. Им удалось освободить братьев Муравьевых и некоторых других. Но Пестеля, в руках которого были сосредоточены все нити заговора, между освобожденными не оказалось.

Тем не менее Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин стали во главе части Черниговского полка (около 700 человек) и решились поднять солдат дружественных полков, чтобы потом соединиться с офицерами общества „Соединенных славян".

Перед походом полковой священник за 200 р. отслужил молебен и прочитал солдатам „Православный Катехизис", составленный С. Муравьевым-Апостолом.

3 января 1826 г. у Белой Церкви их встретил генерал Рот с целой дивизией. В этот день между Муравьевым и войсками Рота произошел неравный бой, и здесь, как и в Петербурге, все дело решила артиллерия. Муравьев пошел прямо на орудия, но был встречен картечою. Это и решило его судьбу. Его ряды расстроились. Кавалерия своей атакой докончила дело и до 700 восставших солдат сдались. Сам Муравьев в самом начале атаки был тяжело ранен картечью и сабельным ударом в голову, он упал без чувств на землю и очнулся уж тогда, когда его взяли в плен.

Таким образом восстание было подавлено и на севере и на юге.

Началась печальная страница в истории декабристов: аресты, следствие, суд, казни, ссылка.

ГЛАВА V.

Следствие и суд над декабристами.

Немедленно же после подавления мятежа начались аресты заговорщиков. В ночь на 15 декабря было захвачено до 750 человек нижних чинов. Наиболее виновные офицеры были также арестованы в эту ночь. Петропавловская крепость переполнилась арестованными.

Дознание началось после первых же арестов. Ночью с 14 на 15 декабря Николай I сам вел допросы в Зимнем дворце.

От арестованных добивались „чистосердечных признаний". И чтобы добиться от них показаний, начальство пустило в ход самые крайние меры.

Когда И. Д. Якушкин отказался назвать своих товарищей, то допрашивавший его ген. Левашев крикнул:

— Так вас заставят назвать их. Я приступлю к обязанностям судьи и покажу вам, что в России есть пытка.

Правда, относительно Якушкина Николай сделал приказ: „Заковать его так, чтобы он пошевелиться не мог"— и только. На Якушкина надели кандалы весом в 22 фунта и посадили его в знаменитый Алексеевский равелин.

Но со многими его товарищами обошлись более жестоко. По рассказу одного из декабристов, допросы арестованных происходили следующим образом:

„В полночь внезапно отпирались двери темницы, на узника набрасывали покрывало, безмолвно вели через корридоры, дворы и проходы крепостные. Когда снимали покрывало, он находился в зале присутствия, перед членами тайной комиссии. Члены предлагали вопросы на жизнь или смерть, требовали ответов мгновенных, отвергали оправдания, об'являя, что оные будут допущены впоследствии перед судом, вымышляя показания, отказывали иногда в очных ставках, и часто увлеченные своим рвением, прибегали к угрозам и поношениям, чтобы вынудить признание или показание на других. Кто молчал или по неведению происшествий, или от опасения погубить невинных, того в темнице лишали света, изнуряли голодом, обременяли цепями. Врачу поручено было удостовериться, сколько осужденный мог вынести телесных наказаний".

К Пестелю, как наиболее влиятельному и выдающемуся виновнику восстания, была применена

пытка. Один из декабристов видел его незадолго до казни и так рассказывал об этой последней с ним встрече

„Он был после болезни, испытавши всевозможные истязания и пытки времен первого христианства. Два кровавые рубца были свидетелями этих пыток. Полагать должно, что железный обруч, крепко свинченный на голове двумя вдавленными глубокими жолобами, оставил на голове его свои глубокие два кровавых рубца". Однако, Пестель до конца остался стойким, гордым и благородным На первом допросе он ничего не показал о тайном обществе и не назвал ни одного члена. Но когда увидел, что следователи уже все знают, дал правдивое и полное показание*). Показания Пестеля исполнены благородства, простоты и глубокого сознания своей правоты. В них он ни перед кем не заискивает, ни в чем не раскаивается и старается, насколько это возможно, всех членов общества оправдать. Даже следователи, так усердно грязнившие декабристов, про Пестеля должны были сказать, что он отвечает с видимой гордостью и с каким-то самомнением". Родителям он писал из тюрьмы (незадолго до казни), что смерти не боится и примет ее с радостью.

Однако, угрозы и пытки на некоторых членов общества оказали сильное действие. Так, животный страх смерти заставил кн. Трубецкого пасть перед Николаем на колени и в слезах, целуя руки деспота, умолять его: „Пощадите, государь, по-

*) Показания Пестеля—лучший источник для истории тайного общества.

щадите!". Трубецкой сделал царю подробнейшие показания и этим купил себе жизнь. Рылеев в ночь на 15 е декабря счел „долгом совести и честного гражданина" сообщить царю о том, что „около Киева в полках существует общество". К своему показанию Рылеев добавил: „Надо взять меры, чтобы там не вспыхнуло возмущение". Впрочем, большинство главарей в начале дознания скорее готово было итти на смерть, чем получить себе жизнь и свободу из рук палачей ценой предательства своих товарищей. Царю удалось поколебать немногих из главных членов общества, откровенные показания которых дали в руки следователей все, что было необходимо для раскрытия заговора.

Если судить о поведении декабристов по донесению следственной комиссии, то можно подумать, что все они раскаялись, принесли повинную и выдали с головой друг друга. Но донесение комиссии наполнено ложью: оно ведь было обнародовано, и поэтому для правительства представлялось необходимым изобразить декабристов в глазах народа людьми малодушными, трусливыми ничтожными. Наиболее видные из декабристов сделали признания после того, как дальнейшее запирательство, по их мнению, после открытия нитей заговора, было бесполезно. Так, Каховский окончательно сознался в убийстве Милорадовича лишь 14 мая 1826 г., когда уже показаниями товарищей его виновность была установлена.

Во время восстания 14 декабря один из главных декабристов Лунин находился в Варшаве при великом князе Константине. Константин любил и уважал Лунина. Узнавши о принадлеж-

пости Лунина к тайному обществу, великий князь призвал его к себе и, вручая ему заграничный паспорт, предложил бежать от ареста и суда. Но Лунин гордо заявил великому князю:

— Я разделял с товарищами их убеждения, разделю и их наказания.

После этого он был немедленно же арестован. Про Якушкина в окончательном приговоре сказано: смертная казнь ему заменена каторгой в уважение совершенного раскаяния. В чем же состояло раскаяние Якушкина? Он прямо заявил царю и следователю, что соглашался на цареубийство и сам решался на него, и что он знает, что его за это казнят, но все таки он более ничего говорить не будет.

У Николая с Якушкиным был короткий разговор.

— Да знаешь-ли ты, перед кем стоишь?— кричал на него государь. За то, что ты государю не говоришь правды, если-бы я тебя помиловал, то на том свете Бог тебя не простит.

— Да ведь я в будущую жизнь не верю,— отвечал спокойно Якушкин.

— Вон отсюда этого мерзавца!—закричал Николай и велел опять отвести Якушкина в тюрьму, дать ему „катехизис", кормить его постным и ежедневно посылать к нему попа для назидания.

Вот и все раскаяние Якушкина.

Рылеев глава петербургского общества, следователю прямо заявил:

— Я мог бы все остановить, но я наоборот, лишь побуждал действовать. Я—главный виновник событий 14 декабря. Если кто-нибудь

заслуживает смерти за этот день, то это, конечно, я.

Сидя в Петропавловской крепости, он выцарапал гвоздем на оловянном блюде следующее четверостишие:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну;
За дело правое я в ней,
И мне-ль стыдиться сих цепей
Когда ношу их за отчизну?

Между тем следственная комиссия говорит, что он принес „совершенное раскаяние" и что во время следствия у него произошла перемена образа мыслей. Показание Рылеева в ночь на 15-е декабря об'ясняется очень просто: Рылеев, после неудачи заговора в Петербурге, не желал бесцельного кровопролития на юге. „Опыт показал,—говорит он в показании, что мы мечтали полагаясь на таких людей, как князь Трубецкой". Страшась, чтобы подобные люди не затеяли чего-нибудь подобного на юге, Рылеев и об явил о существовании заговора и в южной армии.

Впрочем, лучшими свидетелями того, как держали себя декабристы, от начала следствия и до приведения над ними приговора в исполнение, являются близкие к Николаю люди—генералы Дибич и Бенкендорф.

Первый из них доносил Николаю с места казни в следующих выражениях: „Злодеи держали себя с той же низостью, которую мы видели с самого начала".

Другими словами: декабристы за немногими исключениями, оставались непоколебимыми до конца, веря в святость и величие своего дела; они перед казнью не принесли правительству

раскаяния и не пожелали просить помилования у ненавистного им деспота.

Это подтверждает и Бенкендорф, писавший царю о декабристах: „Сердца их не доступны ни раскаянию, ни чувству стыда".

Таким образом и главный шпион Николая удостоверяет нас в том, что декабристы до последней минуты остались верными себе и предпочли жестокую участь жизни и свободе, которые они могли получить из рук всемогущего тирана

Суд над декабристами был сплошным издевательством над правосудием.

В процессе не было ни законности, ни гласности, ни независимости суда; подсудимым не дали никаких способов к защите.

В сущности, суд был простою формальностью: правительство только делало вид, что оно будет судить декабристов. На самом же деле их участь была решена Николаем заранее.

Вот факты.

Вскоре после 14 декабря Николай говорил одному иностранному посланнику, графу Лаферонэ:

— С вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады. Закон изречет свой приговор, и не для них воспользуюсь я принадлежащим мне правом помилования. Я буду непреклонен. Я обязан дать этот урок России и Европе.

6-го июня 1826 года Николай писал в Варшаву великому князю Константину:

„В четверг (3-го июня) начался суд со всею приличествующей обрядностью. Заседания не прерывались с 10 часов утра до трех часов по-

полудни. При всем том я не знаю еще—к какому приблизительно дню это может быть окончено. Затем наступит казнь. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланаде крепости".

Жена Рылеева пробовала просить Николая за своего мужа, но он ей грубо ответил:

— Никто не будет обижен.

Верховный суд, желая угодить Николаю, еще до окончания дела постановил: все подсудимые, без изъятия, по точной силе наших законов подлежат смертной казни. „Смягчения могут быть, но не для всех". Относительно главных виновников суд прямо заявил царю: „самому милосердию они должны быть недоступны".

На верхах служебной лестницы оказалось слишком много кровожадных людей: 15 генералов просили царя, чтобы он не давал пощады декабристам и предал бы их смертной казни

Между прочим, суд избрал комиссию для распределения виновников по разрядам. Заслуживает внимания тот факт, что в эту комиссию попал знаменитый государственный деятель либерал Сперанский, одно время при Александре I находившийся даже в ссылке. И вот на долю этого либерального деятеля выпала роль могильщика зарождавшейся русской свободы.

Любопытна также и роль церкви в деле декабристов. В верховном уголовном суде присутствовали члены святейшего синода. Они наравне с остальными судьями подали голос за смертную казнь для всех участников заговора. Но, желая одновременно угодить царю и Богу,

они приложили к приговору суда особое мнение, в котором они буквально говорят следующее: „слушав в верховном уголовном суде следствие о государственных преступниках Пестеле, Рылееве и других сообщниках, умышлявших на цареубийство и введение в России республиканского управления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а следовательно, какая будет сентенция, от оной не отрицаемся; но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступить не можем".

Таким образом члены синода полагали, что они спасли свою честь, как пастыри церкви, проповедующей заповедь „не убий": угодили и небесному, и земному владыкам.

Приговором верховного суда были приговорены полковник Павел Пестель, подпоручик Кондратий Рылеев, подполковник Сергей Муравьев-Апостол, подпоручик Михаил Бестужев-Рюмин и поручик Петр Каховский к смертной казни четвертованием. 31 чел. к смертной казни отсечением головы, остальные 85 человек к каторге, ссылке на поселение, в крепость и в солдаты. Таким образом суд открыл Николаю возможность для проявления своего царского „милосердия" в широких размерах. И действительно, 4 июля последовал указ о смягчении наказаний для всех декабристов, кроме Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. Тридцать одному лицу смертная казнь была заменена каторгой, остальным 85 лицам наказание было тоже смягчено.

12 июля верховный суд собрался в сенате, чтобы подписать протокол о смягчении. Судьи принимая во внимание оказанное царем „милосердие" в отношении 116 лиц, решили „смягчить" участь главных виновников: „вместо мучительной смертной казни четвертованием" постановили их— „повесить".

Суд признал невозможным об'явление подсудимым приговора в сенате и поэтому в полном составе отправился в Петропавловскую крепость для прочтения приговора.

В 1 час дня в квартире коменданта крепости было устроено заседание суда. Прежде всего ввели пятерых главных участников заговора; они вошли спокойно и, как говорит очевидец, в них не было заметно ни малейшего смущения. Вслед за ними вошли и остальные. Кое-кто из товарищей уже знал, в чем дело и для чего их призвали. Но те, которые не знали о приговоре, с удивлением спрашивали:

— Как, разве нас судили?

— Уж осудили,—получили они в ответ.

Приговор подсудимые выслушали спокойно; из них смутились лишь несколько лиц.

Судьи отнеслись к приговору и судьбе осужденных безучастно, и лишь караул из кавалергардов смотрел на осужденных „с умилением и сожалением".

Ночью на 13 июля на валу кронверка Петропавловской крепости был устроен помост с пятью виселицами.

В 3 часа ночи на крепостной эспланаде разместились части войск от каждого полка гвардии и артиллерии с заряженными пушками. Прибыли

представители царя: генералы Голенищев-Кутузов, Чернышев и Бенкендорф.

Ночь была сырая; моросил дождик; было мрачно, туманно; в разных местах гласиса пылали костры.

Когда все приготовления были окончены, сначала вывели приговоренных к каторге и ссылке. Виновных офицеров приводили к их частям, ставили перед ними на колени и снова заставляли выслушивать приговор. После прочтения приговора над головой каждого ломали шпагу, а эполеты, ордена и мундиры срывали с них и бросали в огонь; ломание шпаг производилось так неумело, что многим ранили головы.

Целый час производилось разжалование, после чего на осужденных надели каторжные халаты и увели их обратно по камерам. По дороге в казематы среди них раздался дружный хохот.

Генерал Бенкендорф об'яснил этот хохот царю „глубокой нравственной порчей" декабристов. А на самом деле декабристы засмеялись над товарищем Якубовичем, который оказался в смешном наряде: короткий до колен халат, высокая офицерская шляпа и ботфорты военного образца.

О последних часах Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского один из товарищей рассказывает следующее:

„В семь часов вечера 12 июля пришли служители алтарей приготовить наших мучеников к смерти. В 8 часов им принесли саваны и цепи, грустно, со стуком прозвеневшие. Потом все стихло. Усталость, изнеможение и душевные волнения этого дня всех прочих заставили приутихнуть; и эта торжественная тишина, только прерываемая беспре-

станными повторениями плац-маиора и плац-адъютанта не говорить с приговоренными к смерти, была поразительно величественна. Солдаты прислуживавшие в камерах, чтобы не прерывать эту тишину, ходили на цыпочках. Они плакали. В два часа ночи в последний раз прозвенели цепи. Пятерых мучеников повели вешать в ров кронверкской куртины.

Рылеев, подходя к виселице, произнес:

— Рылеев умирает, как злодей. Да помянет его Россия!

Все пятеро „шли к месту казни без малейшего раздумья, с торжеством, весело говоря между собою". Перед смертью, прощаясь, они пожали друг другу руки.

При повешении произошел трагический случай. Веревки петель от дождя оказались скольскими, и от этого трое из повешенных—Рылеев, Каховский, Муравьев-Апостол,—сорвались с петель и упали на помост. При этом Муравьев-Апостол жестоко разбился.

Он переломил ногу и нашел еще мужество сказать:

— Бедная Россия! и повесить-то у нас порядочно не умеют..

Каховский крепко выругался. Рылеев не сказал ни слова.

Их повесили снова, и на этот раз удачно.

Таким образом им пришлось дважды пережить предсмертные муки.

Генерал Чернышев гарцовал на лошади вокруг виселицы и, весело посмеиваясь, глядел в лорнет на мучеников. А Бенкендорф стоял в стороне и как это подобает шпиону, подслушивал разговоры осужденных.

Тела казненных положили в два больших ящика с негашенною известью и отвезли на пустынный Голодаевский остров, где и зарыли их в неизвестном месте

В русском обществе держался упорный слух, что казней не будет, тем более, что в царствование Александра I в России не было совершено ни одной казни. Но эти ожидания не сбылись. Николай остался верен своему слову. Впечатление от казней было потрясающее. Один современник об этом так говорит: „Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми, нет возможности.

Николай страшно трусил последствий казни. Он думал, что она вызовет новые волнения в столице, и поэтому на всякий случай, тайно, на время приведения смертного приговора в исполнение, выехал из Петербурга. После казни Николай в письме к начальнику штаба Дибичу радовался „благополучному концу", приказывал соблюдать „величайшую осторожность", а шефу жандармов Бенкендорфу предписывал „удвоить свою деятельность и бдительность", такое же предписание было отдано и по войскам.

13 июля был издан манифест о приведении в исполнение приговора над декабристами. В манифесте этом говорилось:

„Таким образом дело, которое мы всегда считали делом всей России, окончилось; преступники восприяли достойную их казнь; отечество очищено от следствий заразы, столько лет среди его таившейся".

Николай, издавая этот манифест, верил, что в России он навсегда задавил стремление к сво-

боде. Но он ошибся. „Зараза", то-есть стремление к уничтожению всякого рабства на Руси, как гражданского, так и политического, проявилась в следующих поколениях с новой силой.

ГЛАВА VI.

Декабристы в Западной Сибири.

Вслед за произнесением приговора над декабристами их немедленно стали отправлять в Сибирь. В числе первых 13 июля были увезены в Нерчинские рудники кн. Трубецкой, кн. Оболенский, кн. Волконский, Якубович, Муравьев-Давыдов и братья Борисовы.

Их „заковали в железа" и на почтовых, под усиленной охраной, в таком виде везли до места назначения. Вскоре отправили на каторгу и остальных. Лишь несколько человек, в виде особой „милости", были оставлены в крепостях в одиночных заключениях.

Таким образом лучшие люди страны были вырваны из общественной жизни Общество понесло невозградимую утрату, и освободительное движение надолго было обезглавлено.

Были приняты все меры к тому, чтобы декабристов, сосланных на каторгу, отрезать от всего живого в мире. Этим правительство хотело заставить русское общество забыть о борцах за свободу. Но эту меру ему не удалось привести в исполнение. Жены декабристов заявили о своем желании следовать за мужьями на каторгу. Царь и правительство воспротивились этому. „Этим возбуждалось слишком много участия к бедным сослан-

ным". Предполагалось, что декабристов, которым была запрещена переписка с родными, забудут в России. Между тем жены, которым нельзя было запретить переписку, должны были явиться посредницами между русским обществом и сосланными декабристами.

Правительство не могло сломить никакими угрозами героизма жен декабристов И после того, как застращивания не подействовали, им поставили следующие условия, которым они обязывались подчиняться уезжая к мужьям.

1. Жена, отправляющаяся к мужу, лишается звания, начальство отказывается защищать ее от каторжных.

2 Дети, родившиеся на каторге, поступают в заводские крестьяне

3. Деньги и ценные вещи брать с собою воспрещается.

4 Право на крепостных людей уничтожается.

Пред'являя эти пункты, иркутский губернатор говорил женам декабристов — Подумайте, какие условия вы должны будете подписать.

Но оне отвечали, что подпишут их не читая. И после унизительного обыска они, испытывая нужду, лишения и страдания, спешили к своим мужьям. На каторге они терпели и от голода и от холода, сами стирали белье, мыли полы, питались хлебом и квасом. Но не это было предметом их страданий.

Их мучило то, „когда они видели мужей своих за работой в подземелье, под властью грубого и дерзкого начальства". Условия жизни на каторге были страшно тяжелые. Довольно сказать,

что целые годы декабристам пришлось жить в конурах казематах без окон.

Положение жен декабристов на каторге ухудшалось еще тем, что поселенцам запрещено было с ними не только видеться, но и здороваться. Встречавшиеся с ними на улице сворачивали в сторону или просто отворачивались. Их письма в Россию передавались начальству незапечатанными; затем они шли к губернатору; от губернатора—в третье отделение (сыскное) канцелярии его величества и т. д. С заключенными они виделись, главным образом, через щели ограды, окружавшей острог. По поводу этих посещений декабристов поэт Одоевский написал задушевное стихотворение, в котором жен декабристов он называет" ангелами, которые с лазури низлетели с отрадою к страдальцам той страны."

И узникам с улыбкой утешенья.
Любовь и мир душевный принесли
Шли дни, недели, годы,
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшилнсь одного,—
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили-б покрова своего.

Декабрист Сухинин и с ним еще 20 человек бежали, но не удачно. Их всех поймали и по приказу Николая в 24 часа приговорили к смертной казни через расстреляние. Сухинин не захотел доставлять удовольствия палачам царя и повесился а остальных долго расстреливали из старых заржавленных ружей; казнь была от этого продолжительной и смерть расстрелянных крайне мучительной.

Но, несмотря на все тяжкие испытания каторги, декабристы и их жены сумели быть и

веселы и даже счастливы в изгнании. Всего замечательнее то, что революционный дух, вера в торжество тех начал, за которые они боролись, у декабристов и в каторге не угасла. Это видно из ответов декабристов поэту Пушкину.

Когда в 1827 году А. Г. Муравьева поехала к своему мужу в Сибирь, то к ней перед от'ездом в Москве явился А. С. Пушкин и передал для декабристов стихотворение, проникнутое глубокой любовью к ним и верой в торжество правды

Стихотворение это называется: „Послание к узникам" и читается так:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд.
И дум высокое стремленье,
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье
Придет желанная пора!
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас!
Оковы тяжкие падут.
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Декабрист А. И. Одоевский ответил Пушкину из каторги огненными стихами:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард*): цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

*) Бард—певец, поэт.

Наш скорбный труд не пропадет;
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.
Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы,
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы.

По окончании срока каторги декабристов рассеяли по отдаленным и глухим селениям и городкам Сибири с тем расчетом, чтобы они не могли видеться друг с другом.

В 1856 году Александр II после вступления на престол разрешил декабристам, уже окончившим каторгу, возвратиться в Россию. Но немногие из них воспользовались этим разрешением. Большинство их умерло в каторге или на поселении. А те, которые остались в живых, вернулись в Россию стариками и уже были не в силах принять участие в осуществлении освободительных реформ. Им оставалось одно: быть свидетелями совершающихся событий и радоваться тому, что проводится в жизнь хоть небольшая доля того, за что они боролись, страдали и умирали.

Александр II отдал приказ об издании книги Корфа о восшествии на престол Николая I, в которой описывается восстание декабристов. При этом император сказал:

— Дай Бог, чтобы впредь никогда не приходилось русскому царю ни наказывать, ни даже прощать за подобные преступления.

Но сам Александр II с 1862 г. по 1881 казнил 31 человека и заточил в тюрьмы и сослал на каторгу, на поселение и в ссылку не одну тысячу человек за то, что они стремились добыть

народу свободу и право на лучшую жизнь. Таким образом пожелание, им высказанное при вступлении на престол, осталось пустым звуком.

ГЛАВА VII.

Политические и социальные идеалы декабристов.

Многие думают, что движение декабристов не имеет классового характера, многие уверяют, что декабристы были людьми не от мира сего, имевшими в виду только одно: всеобщее благо. А. И. Герцен, со свойственным ему увлечением, в этом направлении пошел так далеко, что Пестеля с южанами поспешил записать в социалисты.

Мы не хотим ни умалять значения 14 декабря 1825 г. в русской истории, ни развенчивать героев этого дня, но считаем необходимым сказать правду о декабристах до конца.

Рассматривая социальный состав декабристских рядов, мы видим, что герои 14 декабря принадлежали к знатным дворянским родам и вышли из военный среды, наполнявшейся в то время представителями аристократии. Среди них было *):

Генералов	3
Полковников	13
Подполковников	12
Маиоров	3
Капитанов	16
Шт.-капитанов	12
Поручиков	20
Подпоручиков	26
Прапорщиков	6
Чиновников	10

*) Чины морские переведены на сухопутные.

Этот список показывает, что декабристы вышли из дворянских семей и в своей жизни, как военные, занимали положение привиллегированной общественной группы. Понятно, что—аристократы по рождению, воспитанию и положению в жизни—они не могли отрешиться от дворянской психики и стать законченными демократами. Поэтому—естественно, что их политические и социальные идеалы были окрашены ярким цветом сословных интересов.

Было бы нелепостью утверждать, что декабристы действовали из грубой корысти, в узко-классовых интересах, желая лишь для себя извлечь из заговора выгоду. Они действовали, исходя из классового интереса, исключительно потому, что иначе и не могли действовать. Люди, вышедшие из аристократических семей, не могли стать законченными демократами и правильно понять интересы широких народных масс.

Проект конституции, написанный Н. Муравьевым и принятый Северным Обществом, имеет лишь слабые черты демократизма.

Правда, декларация прав гражданина и человека *) была включена в этот проект почти полностью. Правами гражданства не пользуются кочующие племена, лица, находящиеся в услужении, крестьяне, вышедшие на волю, и др. Но организация народного представительства носит безусловно классовый характер. Местного само-

*) Так называется французский закон 1791 года о неприкосновенности личности, жилища, о свободе слова, совести, собраний, союзов и т. д.

управления волостного и уездного—в широком смысле этого слова в конституции Муравьева нет. Волостные дела ведутся волостным старшиной, а уездные дела—тысяцким. Правда, волостной старшина избирается на основе всеобщего избирательного права, но в своей деятельности подчинен тысяцкому. Должность тысяцкого может занимать лишь лицо, обладающее недвижимой собственностью в 30.000 руб. или движимой—в 60.000 руб. Выбирают тысяцкого граждане, имеющие недвижимую собственность в 500 руб. или движимую—в 1.000 руб.

Россия делится на области, или „державы". Держава управляется правительственным собранием из двух палат—палаты выборных и державной думы. Лицо, желающее быть членом державной думы, правителем державы, наместником державного правителя, членом державного суда или совета, должно иметь ценз недвижимости в 30.000 руб. или движимости в 60.000 руб. Для присяжных требуется ценз недвижимости в 5.000 рублей или движимости в 10 000 руб.

Центральное законодательное собрание называется народным вечем. Оно состоит из двух палат—палаты народных представителей и верховной думы. Избирателями могут быть только лица, имеющие права гражданства и обладающие недвижимой ценностью в 5 000 руб. или движимой—в 10.000 руб. Из крестьян избирательными правами пользуются только собственники (на основе двухстепенной подачи голосов); освобожденные от крепостной зависимости лишены избирательных прав. В верховную думу могут быть выбираемы лишь

обладающие цензом недвижимости в 30.000 руб. или цензом движимости в 60.000 руб.

Верховная власть сосредоточена в руках императора. Его власть наследственна. Император имеет право останавливать действие закона принятого обоими палатами; ему принадлежит право команды армией и флотом, право назначения министров и высших начальников и мн. др.

В конституции Муравьева прежде всего бросаются в глаза следующие особенности: отсутствие местного самоуправления, двухпалатное представительство, сосредоточение судебной и исполнительной власти в руках богачей и огромная власть монарха. У Муравьева было желание всю власть в стране отдать в руки дворянства и небольшой группы купцов, фабрикантов и капиталистов. Для дворян создается особенно выгодное положение: для них ценз был понижен вдвое по сравнению с капиталистами. Конституция Муравьева заключает в себе явные черты крепостничества, черты феодализма. В ней на первый план выдвинуты интересы дворянства, на втором плане стоят интересы представителей торгово-промышленного капитала, народные же массы остаются бесправными.

Демократизм республиканской конституции Пестеля тоже следует признать относительным.

Прежде всего в Пестеле *) неприятно поражает его национализм. Два миллиона евреев он предлагал переселить в Палестину. Что же касается остальных инородческих племен, населяющих Россию, то он находит, что временное правительство (до созыва народных представителей) должно стремиться к совершенному обрусению их. Все на-

*) Это, впрочем, следует сказать о всех декабристах вообще.

роды, населяющие Россию, должны составлять один народ и на всем пространстве государства должен господствовать „один только язык российский". Пока инородцы не сольются в общее название русских, они не могут пользоваться правами гражданства. Исключение Пестель делает лишь для Польши, для которой он требует независимости.

Основные черты республиканской конституции Пестеля таковы. Включая в конституцию декларацию прав гражданина и человека, Пестель право союзов считает излишним: всякие частные общества „должны быть совершенно запрещены, как открытые, так и закрытые, потому, что первые бесполезны, а последние вредны". Организация народного представительства представляется в виде двух законодательных палат: верхней и нижней. Право выбора в обе палаты принадлежит всем гражданам, достигшим 21 года; выборы не прямые, а двухстепенные; в верхнюю палату депутаты избираются на всю жизнь и называются боярами. Войско подчиняется верхней палате. Высшее правительство (министерства) избирается народом; правительству принадлежит право назначения генерал-губернаторов, прокуроров и т. п. Никакой верховной власти в лице одного человека не полагается.

Таким образом и в республиканской конституции Южного Общества буржуазность проходит красной нитью, а именно: двухстепенные выборы, двухпалатное народное представительство, пожизненность членов верхней палаты, боязнь общественных организаций, обрусительные стремления, вражда к евреям, бесправие инородцев. А десятилетняя диктатура, которая заставила северян про-

видеть в Пестеле Бонапарта, ровно ничего общего с демократизмом не имеет. Истинный демократизм первой задачей временному правительству ставит передачу власти в руки народа в лице учредительного собрания. Таковы в основных чертах политические идеалы декабристов.

Знакомство с социальными воззрениями декабристов покажет нам лишний раз до какой степени идейная сторона движений была проникнута классовым характером. В этом отношении чрезвычайно характерными являются взгляды декабристов на крестьянский вопрос.

Устав „Союза Благоденствия" составлен по образцу черносотенного немецкого „Союза Добродетели".

В немецком уставе было поставлено требование, по которому всякий, вступающий в союз, обязан освободить своих крестьян в тот же год и обеспечить их достаточным наделом земли. В русском уставе этот параграф пропущен. Вместо него вставлен параграф, в котором рекомендуется борьба с злоупотреблениями крепостным правом и хорошее обращение с крепостными.

Надо думать, что, совершая такую замену, декабристы едва ли могли руководиться „внеклассовым" интересом.

Впрочем, справедливость требует сказать, что вопрос об уничтожении крепостного права серьезно занимал декабристов, и пятеро из них—Якушкин, Якубович, Штейнгель, Каховский и А. Бестужев—даже из Петропавловской крепости написали Николаю письма, в которых указывали на необходимость освобождения крестьян. Но в своих реформаторских замыслах декабристы на первую очередь

ставили политический переворот, при чем крестьянскую реформу должно было совершить временное правительство, без всякого участия народных представителей.

Подобное решение вопроса на первый взгляд представляется совершенной несообразностью. Но если мы пристальнее всмотримся в сущность той крестьянской реформы, которую замышляли декабристы, то все станет понятным.

Декабристы, кроме Пестеля, находили, что освобождение крестьян должно быть безземельным. Многие из них полагали, что довольно освободить человека от неволи и пустить его на все четыре стороны с пустыми руками, чтобы он был безмерно счастлив. Декабристы совершенно серьезно утверждали, что безземельное освобождение крестьян осчастливит обе стороны, и барина, и крепостного мужика. Решая, таким образом, крестьянский вопрос, декабристы интересы барина ставили на первом месте.

Это можно подтвердить мнениями самих декабристов.

Князь Трубецкой, говоря об освобождении, имеет в виду исключительно интересы господ.

„Гораздо полезнее помещикам самим их освободить, потому что тогда они могут заключить с ними выгодные условия". В противном случае— неминуема крестьянская революция, которой Трубецкой страшно боится: „тогда крестьяне сами вырвут себе свободу, и произойдут ужасы, которых никакое воображение себе представить не может"...

Лунин смотрит на реформу исключительно с точки зрения материальной выгоды для крепостников. „Освобождение крестьян послужит не к

уменьшению, но к приращению доходов помещиков".

Тот же Лунин оставил чрезвычайно характерное завещание. В нем он требует от своих родственников освободить его крестьян, но „не касаясь земли, лесов, строений имуществ вообще и прочих угодий". Для нашей цели заслуживает внимания не только самое содержание завещания, но и тот факт, что Лунин при жизни не мог отпустить крестьян на волю и решил дать им свободу по завещанию.

Митьков верит, что при безземельном освобождении „помещики получали бы вернее доходы с своих земель". „Выгоднее владеть землею, нежели крестьянами, которые часто бывают в тягость помещику".

Н. Муравьев в первой редакции своей конституции, предлагая безземельное освобождение, требует с крестьянина особого вознаграждения в пользу помещиков в тех случаях, когда он бросает аренду и переходит на новое место. Впрочем, во второй редакции своей конституции Муравьев отказывается от этого и находит возможным наделить освобожденных крестьян усадебной землей.

Н. И. Тургенев, настаивая на безземельном освобождении, имел в виду, как и Н. Муравьев, аренду крестьянами помещичьих земель.

Якушкин даже предпринял освобождение своих крестьян по этому рецепту, но мужики заупрямились и решительно ему заявили: „Если так, то пусть будет все по старому, мы — твои, а земля — наша, без нее мы жить не можем". После этой неудачи Якушкин стал разрабатывать план выкупа крестьян государством.

Пестель, несомненно, был самый умный из декабристов и наиболее преданный народным интересам, но и у него взгляд на освобождение крестьян—чисто барский.

Мысль не только об участии самих крестьян, но и народного представительства вообще в проведении в жизнь крестьянской реформы, надо полагать, Пестелю и в голову не приходила. В своей „Русской Правде" он категорически заявляет, что „уничтожение рабства и крепостного состояния" должно быть „священнейшею и непременнейшею обязанностью" временного правительства, которое должно обратиться за содействием к дворянским собраниям. При решении вопроса об освобождении дворовых, Пестель вменяет в обязанность временному правительству спросить совета у тех же дворянских собраний. При этом самое освобождение дворовых не даровое, а за выкуп. Дворовый, после своего выхода на волю, должен еще ряд лет работать на барина в уплату за полученную свободу или заплатить за освобождение определенную сумму денег.

В первой редакции конституции Пестеля встречается такая неожиданность: при освобождении, крестьяне получают половину помещичьих земель, но и после освобождения попрежнему продолжают платить помещикам оброк. Однако, во второй редакции конституции параграф об оброке свободных граждан их бывшим господам исключен.

В конечном выводе взгляд Пестеля на крестьянскую реформу сводится к следующему: освобожденные крестьяне получают половину помещичьих земель, помещикам же за отнятую землю выдается вознаграждение или деньгами, или казенными

землями. К отнятой земле помещику однако дается такое количество земли, чтобы „итог его земель составлял не более 5.000 дес.“

Вообще, надо заметить, что забота о помещичьем интересе у Пестеля не менее, чем у северян. Это особенно хорошо видно из указаний, которыми должно руководиться временное правительство при освобождении крестьян.

В этих указаниях интересы помещиков выражены в категорической и притом совершенно ясной форме: „Освобождение крестьян от рабства не должно лишить дворян доходов, ими от поместий своих получаемых.“ И, в то же время, интересы крестьян определены туманно и крайне расплывчато: „Освобождение сие должно крестьянам доставить лучшее положение противу теперешнего, а немнимую свободу им даровать“.

Приведенные данные показывают, что Пестель по своим взглядам близко подходил к передовым культурным буржуа. Уничтожая феодализм и создавая мелкое и среднее землевладение, Пестель хотел опереться на мелкую и среднюю буржуазию, враждебную аристократии. Что касается стоявших за спиной Пестеля членов Южного Общества, то огромное большинство их смотрело на крестьянский вопрос глазами северян, и лишь могучая личность их духовного вождя увлекла их влево.

ГЛАВА VIII.

Смысл и значение восстания декабристов.

Многие считают, что вооруженное восстание декабристов было безумным предприятием, так как на успех не было никакой надежды.

Но это неверно.

Вспомним, что Елизавета села на престол при помощи только одной роты солдат. Вспомним, что Екатерина II свергла своего мужа с престола при содействии только одного полка.

И, наконец, Павел I устранен был от царствования кружком заговорщиков в 50 человек.

Там, где форма правления—военный деспотизм, там крайне легко, при помощи военной силы, устранить правительство от власти и поставить к власти новое правительство. Ведь народ при военном деспотизме бесправен, его ни о чем не спрашивают, да и он мало чем интересуется в силу своей дикости.

Поэтому, заговорщикам бояться силы и воли народа не приходится.

И вся задача заговорщиков сводится к тому, чтобы завладеть главной государственной машиной—правительством и войском. И с того момента, как правительственная власть переходит к заговорщикам успех заговора обеспечен. Войско, скованное слепой дисциплиной, не рассуждая, повинуется и новому правительству с той же преданностью, как и старому, только что уничтоженному.

Ведь декабристы с полной надеждой на успех могли пойти в ночь на 14 декабря и захватить Зимний дворец с его обитателями и об'явить временное правительство. Для этого у них сил было вполне достаточно, что видно из событий 14 декабря.

Захват дворца и образование временного правительства они имели возможность произвести даже утром 14 декабря, когда еще у Николая не было в руках достаточного количества войск. Наконец, они могли 14 декабря, при помощи москов-

ского полка, завладеть артиллерией на Литейном проспекте, а Панов мог бы со своими солдатами захватить пушки у Зимнего дворца, он же мог овладеть и Петропавловской крепостью, которая господствует над всем Петербургом, в том числе и над Зимним дворцом.

Но ничего этого не было сделано. И с военной точки зрения действия восставших войск представляют собою совершенную нелепость. Вместо того, чтобы приступить к выполнению намеченного плана и перейти в наступление, войска целый день простояли в бездействии, ожидая диктатора кн. Трубецкого.

Одним словом, в Петербурге декабристы не совершили ни одного действия, направленного к выполнению заговора, если не считать того, что они отбили атаки Орлова и пробовали выстроиться на льду Невы после того, как были разбиты на Сенатской площади.

Правда, действия Муравьева на юге отличались энергией. Но Муравьев был слишком бессилен, чтобы справиться с превосходными силами неприятеля, к тому же вооруженного артиллерией.

Спрашивается, что удерживало декабристов от перехода в наступление? Почему они не пытались стремительным натиском произвести переворот и образовать временное правительство?

На эти вопросы можно лишь ответить одно: декабристы были плохо с'организованы и потому не были вполне уверены в успехе заговора.

Это подтверждается и фактами.

13-го декабря, накануне восстания, поэт Одоевский с одушевлением говорил своим друзьям, обнимая их:

— Мы идем на смерть...Но на какую славную смерть...

А когда возникли сомнения в том, что войска пойдут за заговорщиками, один из главарей прямо заявил:

— Если придут хоть 50 человек, то я становлюсь в ряды с ними

Каховский был того же мнения и твердо решил:

— Лучше умереть, нежели не участвовать в этом.

Декабристы, уже погибающие, говорили народу на Сенатской площади.

— Уходите, опасно... Если уж пришлось умирать, то пусть умрем мы, а народу не к чему лезть на смерть.

Рылеев, глава Северного Общества, мог все остановить, но и он находил нужным пойти на площадь. Между тем он хорошо знал, что идет на верную смерть.

В одном из своих стихотворений („Исповедь Наливайки") Рылеев так определяет свою судьбу:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа.
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.

Рылеев как-то прочитал эту исповедь М. Бестужеву и тот ему после прочтения сказал:

— Знаешь-ли ты, какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты как будто хо-

чешь указать на будущий свой жребий в этих стихах.

Рылеев ответил:

— Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении? Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, а вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян.

Утром 14 декабря Рылеев собрался уйти из дома. Жена, предчувствуя беду, стала умолять его, со слезами на глазах, не уходить из дома. Но Рылеев не хотел менять своего решения. После этого несчастная женщина в ужасе закричала малолетней дочке:

— Настенька, проси отца и за себя и за меня!

Девочка с рыданием обняла колени отца, а жена почти без чувств упала на грудь мужа. Но Рылеев остался непоколебим при виде этой потрясающей картины. Он жену положил на диван и, освободившись от об'ятий дочери, отправился на верную погибель, а между тем он был бесконечно нежным мужем и глубоко любящим отцом: это видно из его последнего письма, написанного из Петропавловской крепости, за несколько минут до казни.

Ясно, что часть декабристов заранее обрекла себя на мученичество, решивши пожертвовать собой, дабы своей погибелью разбудить „спящих россиян" и поднять их на борьбу с произволом

Г. В. Плеханов, один из лучших знатоков истории русской революции, говорит, что на события 14 декабря не нужно смотреть, как на

сражение между сторонниками самодержавия и сторонниками политической свободы. Эти события—военная манифестация, предпринятая людьми, неуспевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своей гибелью указать путь будущим поколениям. Непоследовательность и нецелесообразность действий декабристов очень просто об'ясняются нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв.

Так говорит о декабристах революционер.

Рядом с Плехановым любопытно сопоставить мнение врага всякого насилия и всяких революций—А. И. Герцена.

„Эти люди,—говорит он,—хотели всенародно заявить мысль русской свободы, зная, что они погибнут, но что всенародно заявленная мысль уж никогда не погибнет. В нравственном отношении влияние события 14 декабря было огромно Пушечный гром на Сенатской площади разбудил целое поколение. До тех пор не верили в возможность политического восстания, целью которого было бы нападение с оружием в руках на чудовище императорского царизма на улицах самого Петербурга... Убийства Петра III, Павла I в застенке и замена их другими деспотами ни для кого не были тайной. Но между тайным убийством и открытым протестом и выступлением на улице, запечатленным кровью и страданием, нет ничего общего".

Цель была достигнута.

Событие 14 декабря 1825 г. сделалось исходной точкой в русском освободительном движении, а виселицы пяти героев-мучеников 13 июля 1826 года

превратились в „кресты, на которые молились поколения".

14 декабря 1825 г. в истории освободительного движения имеет огромное значение.

Движение декабристов является в русской истории началом кризиса самодержавия и крепостного права. Денежное хозяйство, захватившее собою почти половину населения России первой четверти XIX в., уже начинало властно требовать перехода от варварских общественных форм к свободным общественным отношениям, при которых только и возможно развитие капитализма. И декабристы, как культурная группа господствующего класса, хорошо понимали, что только политическая свобода и свободные общественные отношения могут дать толчек к дальнейшему развитию и процветанию всех сторон жизни русского народа. Для достижения своих идеалов они считали единственным средством—революцию.

Политическая свобода и широкие (для того времени) социальные реформы—вот платформа декабристов.

Декабристы потерпели неудачу, так как не встретили поддержки ни в господствующем классе—дворянстве, ни в широких народных массах.

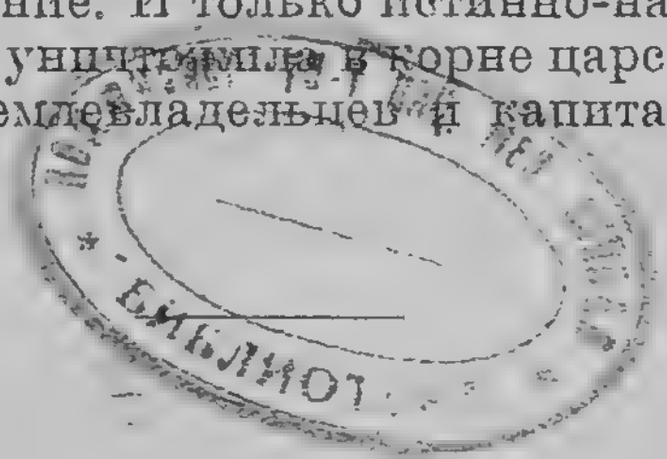
Большинство дворян того времени думало, что крепостное право, несмотря на вторжение в жизнь страны денежного хозяйства, должно оставаться неприкосновенным. Дворянам казалось, что после уничтожения самодержавия и крепостного права они немедленно же погибнут. И поэтому, оберегая свои крепостнические права, дворянство цепко держалось за самодержавие и крайне враж-

дебно относилось ко всяким попыткам разрушить старый политический и социальный строй.

Крестьянство же того времени представляло собою темную, несознательную массу, совершенно задавленную крепостниками-помещиками и слугами царского самодержавия. Поэтому оно было неспособно ни к самостоятельному выступлению на завоевание прав свободы и власти, ни к поддержке революционного движения, направленного к обновлению всей жизни страны.

Декабристы, не получившие поддержки в правящем классе и народных массах, были на голову разбиты. И дело политической свободы на долгое время остановилось в своем поступательном движении.

Позднее интеллигенция много раз вступала в единоборство с самодержавием, но каждый раз терпела поражение. И только истинно-народная революция 1917 г. уничтожила в корне царскую власть и господство землевладельцев и капиталистов.



СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Введение 3

I. Царствование Александра I 7

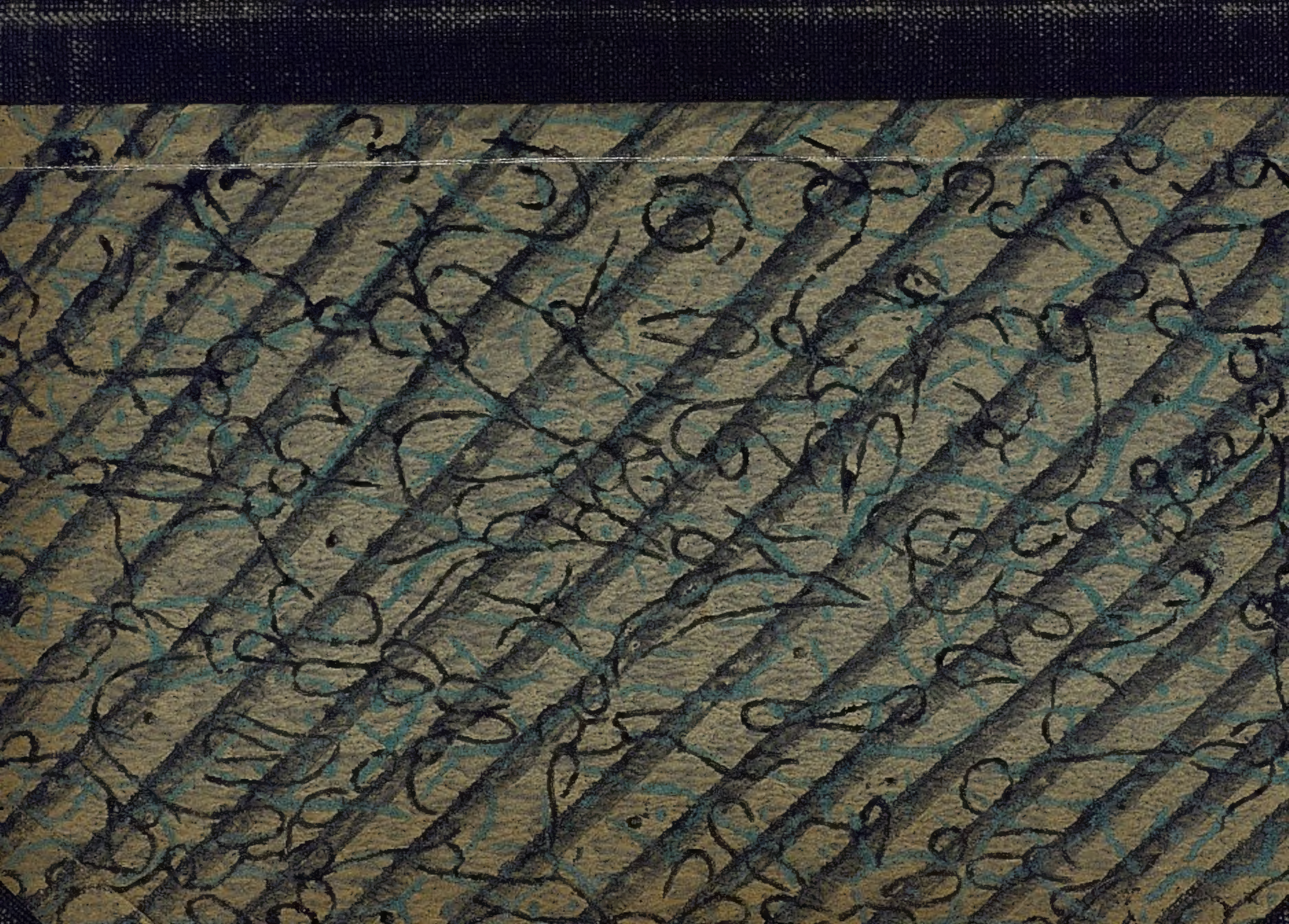
II. Таïные общества 19

III. Междуцарствие 36

IV. 14 декабря 1825 г. 43

V. Следствие и суд над декабристами . 49

VI. Декабристы в Зап. Сибири. 62

VII. Политические и социальные идеалы декабристов 67

VIII. Смысл и значение восстания декабристов 76